

СЕМЬЯ И

8. 2010

ШКОЛА

Ну сколько можно
опекать их!

страница

11

Папа ушёл...

страница

14

Дневник матери:
девочки

страница

22

Игры тихие
и не очень

страница

37

журнал для родителей

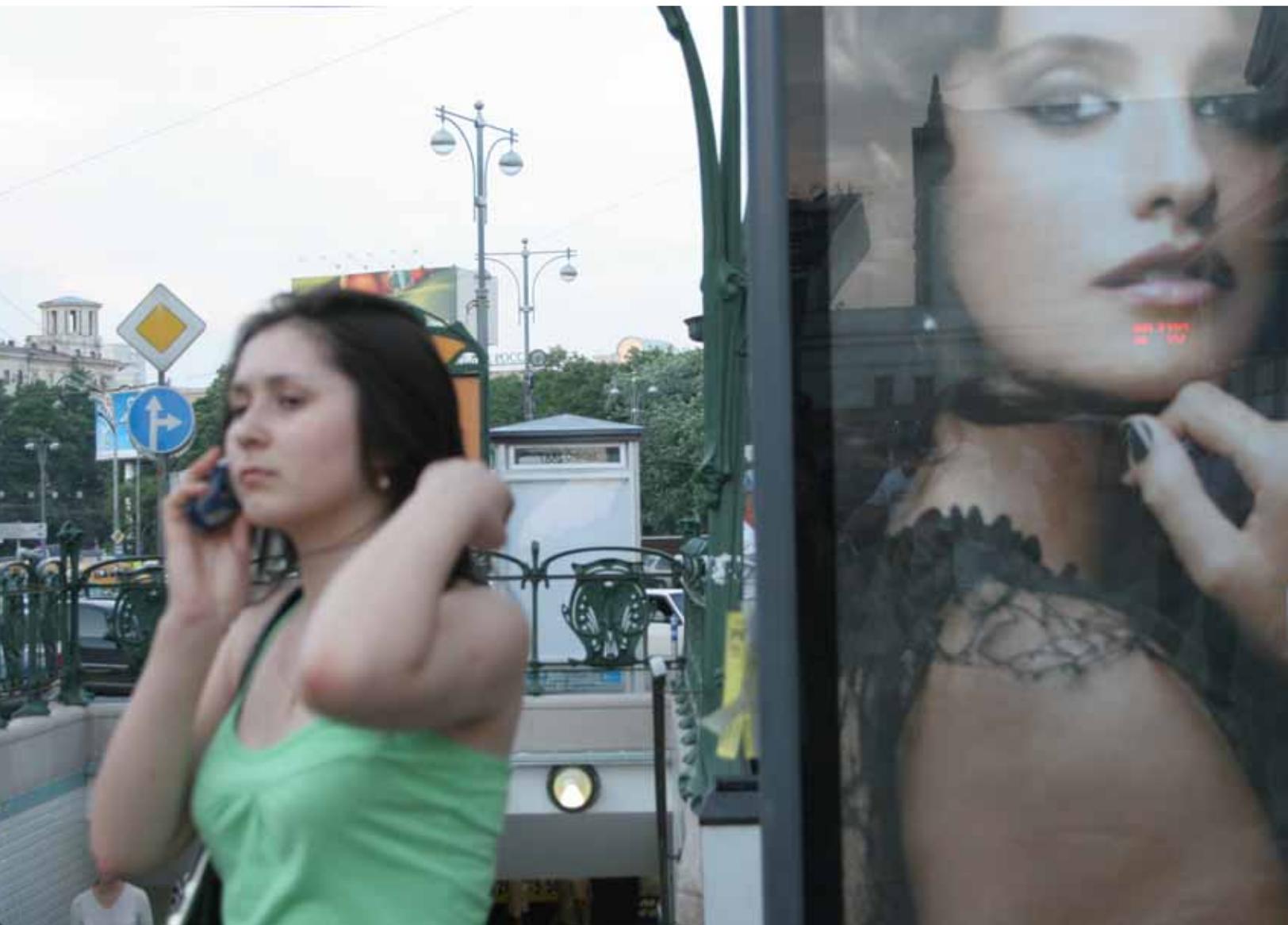

Фото Владимира Воронова

7Я

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Журнал
для родителей

Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

На обложке:
фото Елены Боковой

В номере:

Советы и рекомендации

Елена Никитина
**Нам ещё
математику решать...**

11

Дети растут, это обязательно и неотвратно, это понимает любой разумный человек. Однако далеко не для всех окончание школы становится качественным рубежом, за которым прекращается родительская опека недорослей-несмышленицей

Юлия Корчагина
Развод

14

Из цикла «Трудные взрослые». «Родители развелись, и мы остались с мамой. Мне так ничего и не сказали. Просто когда я вернулась из больницы, папы уже не было — не было никаких его вещей, компьютера, инструментов. Как будто его никогда не существовало»

Повод к размышлению

Евгения Абельюк
**Фестиваль
внутри фестиваля**

2

Московский открытый книжный фестиваль: с маленькими здесь играют, с подростками разговаривают серьёзно

Наталья Мавлевич
Граждане дети!

5

Информацию о современной истории хорошо бы давать детям, пока предрассудки не стреножили рассудок

**Вокруг развития
и воспитания**

8

Новое о хорошо знакомом
и еще не знакомом

Людмила Самойлова
Голоса из мёртвой деревни

16

В колхозе воровать приходилось с детства: не украдешь — не проживешь. Воровство делилось на честное и бесчестное. Если колхоз собрал солому, а часть забыл на поле, остаток сгниет, поэтому забрать его — честное воровство

Чтение

Борис Бим-Бад
**Первый класс
в Борькиной жизни**

12

Софи Каркен
Вечерние истории

19

Фрида Вигдорова
Девочки (дневник матери)

22

Начинаем публикацию книги замечательной писательницы, педагога, публициста

Мариэтта Чудакова
Генри Хаггард, и не только он

28

Под рубрикой «Успеть прочесть»

Роза Хуснутдинова
Колдунья Майя и Ким

Сказка

30

Лия Осипова
Картинная галерея: Поленов

40

Домашние занятия

Кухня: и обязательно — каша

36

Игры тихие и не очень

37

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:

Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),

Л. А. Комарова
(художественный редактор),

Н. С. Мавлевич
(школа и общество),

Л. Ф. Осипова
(культура),

В. А. Рыбаков
(развитие и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валерус

Предпочтатная подготовка:
**И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова**

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Н. П. Солошеч

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО «Орден Трудового Красного
Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chpk.ru
Сайт: www.chpk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 8 (август) 2010
Подписано в печать 28 июля 2010 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 5800 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2010

Ряд районных и сельских библиотек в нескольких регионах
России получают журнал благодаря финансовой поддержке
Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Фестиваль внутри фестиваля

С маленькими здесь играют, с подростками разговаривают серьезно

Этим летом Международный открытый книжный фестиваль проходил в Москве уже в пятый раз. И каждый год в июне месяце во внутреннем дворике Центрального Дома художника на Крымском валу разворачивается программа для детей. Не меньшая, чем программа для взрослых. Фестиваль внутри фестиваля. В шатрах с экзотическими и очень летними названиями — Бахчисарай, Херсонес, Тамань — детей встречают писатели, художники, издатели, критики. Российские, чешские, английские, шведские — со всего мира.

Есть у фестиваля один закон, одна традиция: ребята из пассивных зрителей всегда превращаются здесь в активных делателей, в участников. Для них проводятся мастер-классы, ток-шоу, круглые столы. Их знакомят с книжными новинками. А потом предлагают порисовать, что-то придумать или изобразить. Старшим — обсудить какую-то серьезную проблему. С маленькими здесь играют; с подростками разговаривают серьезно. А последние три года на фестивале параллельно со взрослым пресс-центром работает детское пресс-бюро. В отличие от журналистов-профессионалов тем, кто захочет здесь поработать, аккредитация не нужна. Достаточно желания поработать. Хочешь? Приходи! Ну а пока юные гости фестиваля все-таки больше хотят быть

зрителями, чем корреспондентами; в этой роли выступают мои ученики, старшеклассники из московского Лицея № 1525 «Воробьевы горы». С тем, что они «подсмотрели» или «подслушали» на детской программе фестиваля, вы можете познакомиться в этой публикации.

Евгения Абелюк

Литература кричит: «SOS»

Говорят, что в каждом новом литературном произведении заново оживает старый, давно всем известный жанр. Пишется роман — и заново рождается жанр романа. Создается комедия — и на свет появляется комедия. Вот и получается, что то, что существовало в течение столетий, вечно молодо. А все новое уже хорошо известно. Это так, но не совсем. Оказывается, совсем новые жанры до сих пор появляются на свет. Такой жанр графического романа. Впрочем, в Англии и Соединенных Штатах к нему успели привыкнуть. А мы знакомимся с этим жанром на фестивале.

Графический роман — это разновидность комиксов. Но, в отличие от комиксов, графический роман считается не только жанром изобразительного искусства, но и литературным.

В последние годы появилась тенденция «переводить» на язык графики классические литературные произведения. Гость фестиваля английский художник Анджей Климовски «перевел» на этот язык романы «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова и «Странная история доктора Джекила и Мистера Хайда» Роберта Льюиса Стивенсона. Он и юной аудитории предложил создать свой графический вариант рассказа Хуана Кортасара. И некоторые работы участников этой акции художнику понравились — он даже попросил подписать ему их на память.

У меня же возникло странное чувство: не убьют ли графические романы классическую литературу? Конечно, массовый читатель увидит в них преимущественно перед словесными текстами. Их быстрее можно «прочитать». На первом плане там оказывается экшен, нет описаний и философских размышлений... Некоторым читателям такой текст будет куда понятнее... И «расти» до настоящей литературы им не захочется. Неужели и в России этот жанр приживется?

Кирилл Толконев

Советский Союз и мы

Каждый год в детской и молодежной программе фестиваля есть какие-то сквозные темы. В этом году магистральной стала тема исторической памяти. Ей было посвящено несколько программ, в том числе ток-шоу «Мне 15. Являюсь ли я наследником СССР?» Организаторы — общество «Мемориал» и редакция сайта «Уроки истории» — хотели помочь ребятам определить свое отношение к Советскому Союзу и социализму, а также порассуждать о времени, когда их родители были детьми. Однако на дискуссию допускались не все, а те, кто прошел несколько «испытаний». Чтобы напомнить детям о самых важных событиях и людях времен Советского Союза, организаторы придумали специальные «исторические путешествия». Ребята получили задания и необходимый реквизит: ручки, карандаши, карты — и побежали в парк, в музей скульптур. Вместе со всеми отправились и мы.

Парк искусств «Музеон» расположен на территории Центрального Дома художника. Здесь всегда много посетителей, но сегодня их особенно людно.

...По дорожке бегут мальчишки. Они внимательно смотрят по сторо-

нам — ищут памятники советским вождям. А когда находят, сравнивают разные скульптурные изображения одного и того же политика. Видимо, для того, чтобы лучше понять его характер.

...В тени деревьев две девочки внимательно читают таблички у памятников Феликсу Дзержинскому и Якову Свердлову. А потом отмечают на карте Москвы улицы, на которых эти скульптуры находились раньше. Оказывается, в «Музеон» памятники переехали с Лубянской и Театральной площадей.

...На лавочке малыши с помощью родителей придумывают экскурсию для своих друзей из детского садика. Детям больше всего понравились памятники героям Великой Отечественной войны — им и будет посвящена экскурсия. Все увлечены работой; погода замечательная, и задания можно выполнять прямо в парке.

И вот наконец долгожданное ток-шоу. «Путешественники» по очереди рассказали о том, что нового узнали. А потом речь пошла о жизни в Советском Союзе. Ребята старались вспомнить об СССР все, что когда-либо читали в книгах, видели в кинофильмах, узнали на уроках истории, слышали от родителей, бабушек и дедушек. Выяснилось, что каждый понимает слово «советский» по-своему. Кто-то очень конкретно: для четырнадцатилетнего Антона «советский» и «социализм» — это шестиметровая кухня и холодильник ЗИЛ, и он очень их любит, совсем как его бабушка. Другие рассуждали «в общем виде»: «Советский Союз был великой страной, а Россия таковой не является». Ребята постарше утверждали, что при коммунизме наука развивалась лучше, чем сейчас. Малыши с восторгом подхватывали: «Да-да, Гагарин первый полетел в космос. Когда вырасту, я тоже стану космонавтом!». Некоторые считали, что СССР был сильнее, потому что много народов было объединено, а в единстве — сила. Очень активный участник дискуссии Егор доказывал, что в России стало больше бандитов, чем было во время Советского Союза. Минусов назвали не меньше, чем плюсов. Кто-то говорил о репрессиях и раскулачивании. Кто-то приводил в пример историю собственной семьи. Один из участников, Антон, рассказал, как у его дедушки отобрали дом коммунисты. Девочки переживали, что при Советском Союзе нельзя было поехать за границу, а зарубежные книги и музыка были недоступны. Ребята говорили об отсутствии свободы слова, о преследовании «врагов народа» и их семей.

Аудитория ток-шоу поделилась примерно пополам. И в конце концов сложилось общее мнение, что при коммунизме было и хорошее, и плохое.

На обсуждение главного вопроса — являемся ли мы наследниками СССР — времени не хватило. Может быть, потому, что слишком много сил ушло на исторические игры в «Музе-

оне», к проблеме имеющие очень ко-свенное отношение. И все же если проанализировать суждения и аргументы, прозвучавшие в ходе дискуссии, станет очевидным, мы от этого времени и всего советского очень и очень зависим. Иначе как объяснить то, что нам, тогда не жившим, оно кажется таким дорогим.

Настя Колесникова

Размышляндии о Мышляндии

Как вы думаете, с чего начал Андрей Усачев свое выступление перед детьми? С вопроса о положении мышей и кошек в современном мире!

С большим вниманием он слушал, что говорили дети. Впрочем, он и сам высказывал свое мнение, много шутил, улыбался... Беседа шла очень динамично. Дети с удовольствием отвечали на вопросы, которые задавал им Усачев. Как вам нравится, например, такой вопрос: «Что должен уметь делать человек, чтобы стать мышкой?» А вот ответ, который больше всего понравился автору: «Мыс-

лить!» Вместе с автором порадовались и мы. Вот удивительно: оказывается «мышление» и «мышы» непосредственно связаны!

Усачев прочитал несколько своих стихов — прямо в шатре он создал целый мышинный мир. На вопрос, где же находится «Страна Мышляндия», он ответил просто: «Везде, под нашими ногами».

Одновременно с детьми вступали в дискуссию и взрослые. Некоторые, правда, говорили на непривычном для детей языке, но автор не сдавался — он был на стороне детей. Оказалось, что о котиках и мышках, живущих в книжках и мультфильмах, дети знают гораздо больше, чем взрослые.

А всю программу увенчал фильм под названием «Меню». Сценаристом его снова был Андрей Усачев. Нам ничего не оставалось делать, как взять у поэта интервью. Впрочем, первой нам давала интервью его маленькая слушательница.

— Каким ты представляла себе Усачева?

— Я думала — это добрый улыбающийся старичок. А он почему-то оказался энергичным, бодрым человеком. Мне даже теплее стало, когда он появился.

— А в мультфильме было что-нибудь новое?

— Было. Я узнала историю названий напитков и разных блюд. В какой стране и как их готовят.

Усачев подошел к нам сам:

— Мне нравится общаться с детьми. Они более открытые и честные, чем взрослые. У них нет тех масок, которые надевает каждый взрослый, находясь в социуме.

Выходя из шатра, Усачев продолжал общаться с детьми.

Ира Стороженко, Оля Пуцина

Нам стыдно...

Наверное, когда человек вырастает, он уже не думает о том, умеет ли он просить прощения, или нет. А вот для детей и их родителей эта тема обычно очень актуальна. Организаторы фестиваля не забыли об этом — гостей приглашали вместе поразмышлять над вопросом «За что и как просить прощения?». Однако оказалось, что эта проблема далеко выходит за пределы вопроса о послушании и непослушании ребенка. Выяснилось это в споре.

Камнем преткновения стала проблема искренности. Ведущие — журналистка Катя Кронгауз и актер Алексей Литвиненко — выступили умелыми провокаторами, мнения они столкнули намеренно. Каким образом?

Все мы увидели ролик. На экране толпа людей, закованных общей

сонажей любимых книг, все участники этого действия получили настоящее удовольствие. Проводила мастер-класс Рената Фучикова, известный иллюстратор, причем известный не только в Чехии.

Пока малыши мастерили, они слушали легенды старой Праги. Например, о том, как неизвестные сбросили с Карлова моста человека. Священника. И мост обвалился.

Время шло, но восстановить мост не удавалось. Вернее, его достраивали — а он снова обваливался. И наконец нашелся Зодчий, который решил, что именно он должен восстановить Карлов мост во что бы то ни стало. И тут в историю вмешался Дьявол. Он предложил Зодчему помощь. Но цена такой помощи известна: душа. В этот раз это должна была быть душа того, кто первым пройдет по восстановленному мосту. Герой легенды наивно полагал, что ему удастся перехитрить Дьявола. Вот что он придумал: когда мост будет восстановлен, он по нему пустит петуха — и вместо человека погибнет птица. Но Дьявол не так-то прост: конечно, он перехитрил строителя. В результате погибли его жена и его будущий ребенок.

Долгое время потом пешеходы слышали на мосту плач малышка. И все же этот замкнутый круг разомкнулся! Однажды малыш чихнул, и прохожий, услышав это, пожелал неизвестному здоровья — и дух успокоился. А мост остался.

Мост между Москвой и Прагой тоже был создан.

Светлана Горбачева,
Вероника Стороженко

цепью. Это наши современники. Все происходит в реальности. В Англии. Люди движутся из одного города в другой, скандируя слова: «Простите нас!» Что за странность? Кому адресована эта просьба? Оказывается, перед нами далекие потомки рабовладельцев. А обращаются они к потомкам рабов. Почему? Они чувствуют себя в ответе за то, что делали их предки. И извиняются за то, что лично они не делали. Поразительные кадры, не правда ли? Именно они и спровоцировали спор.

— Я не понимаю смысла этой акции, — говорил пятнадцатилетний Никита. — Прощения, как правило, просят за то, в чем ты виноват сам, а не кто-то еще, кого ты совсем не знаешь. Просят в ситуации интимной, сугубо личной.

Но с Никитой согласились не все. Разве не оказываемся мы сегодня свидетелями того, как прощения приходится просить целым народам? Например, потомкам солдат гитлеровского вермахта перед теми, чьи предки пострадали во время войны. Мне кажется, что чувство стыда за содеянное многими, а не только тобой, — очень важное чувство. Некоторые спорящие понимали это и говорили о том, что сегодня необходимо испытывать чувство стыда за других, например, за палачей сталинского времени или за москвичей, презирающих «чужаков».

Уходили мы со сложным чувством, споря о том, получился этот разговор или не получился.

Лиза Степанюк

Строим Пражский мост

«Строим пражский Карлов мост» — само название этого мастер-класса призывало действовать. И действительно, из обклеенных коробок из-под бананов нужно было соорудить знаменитый пражский мост. Точнее, его модель. Но от этого не легче. Однако, украшая мост фигурами пер-

Граждане дети!

Нашим детям теперь легко поехать за границу — с классом, клубом, по обмену или просто с родителями. Это давно перестало быть экзотикой, отдых в Египте или Турции обходится не намного дороже, чем где-нибудь в Геленджике или Гурзуфе (хотя Гурзуф — тоже заграница). Нужно только загранпаспорт получить. А для этого всласть, по-советски настояться в очереди в паспортный стол. Что делать в очереди? Разговаривать на всякие житейские темы. Вот и мы, десяток желеющих сдать документы с утра, сцепились языками. Сначала все дружно ругали бюрократов и дружно радовались, что зато, если уж возьмешь все бумажные барьеры, можно ехать куда угодно. А потом как-то незаметно съехали на политические темы, и между одним гражданином и другой гражданкой вспыхнул спор, при этом гражданин был с сыном или внуком, а гражданка — с дочкой или внучкой того же подросткового возраста. «Дорвались дерьмократы до власти — всю страну разворовали!» — с удовольствием выпевал гражданин. «Было бы что разворовывать! — горячилась гражданка. — Хлеба, и того не хватало в вашем совке!» Постепенно в разговор втянулись и другие выезжающие граждане: «Да вы не помните, что ли, какие очереди за всем отставали!» — «Сталин построил колхозы!» — «Сталин погубил крестьянство!» — «Ваши европейские ценности давно накрылись медным тазом!» — «То-то вы в Испанию на курорт едете!»

Взрослые спорили, еле удерживаясь в границах приличия, а подростки вели себя по-разному: мальчик стоял со скучающим видом, а девочка крутила головой, прислушиваясь к каждому и пытаясь вникнуть в суть беседы. Что происходило в головах у этих будущих родителей, будущих избирателей?

Что они знают о стране, гражданами которой являются (что, собственно, и подтверждает загранпаспорт)? Кто, как и когда расскажет им запутанную российскую историю новейшего времени?

Нет, мы сейчас не будем говорить о школьных учебниках, как ни важна эта тема. Разговор о другом.

Придя домой с победой (документы приняли), нахожу в электронной почте приглашение на «круглый стол» — в одном из шатров, которые раскинул на Крымском валу Московский международный открытый книжный фестиваль, собираются обсуждать «язык гражданского разговора с детьми». Можно подумать, кто-то подслушал мои мысли...

«За последние годы мы поняли, — писала организатор дискуссии Александра Поливанова, — что говорить с нашими детьми можно и нужно практически обо всем. Мы преодолели многие табу русской и советской детской культуры. Мы научи-

лись отвечать на самые трудные детские экзистенциальные и бытовые вопросы, научились поднимать многие вопросы сами и, как кажется, выработали язык для подобного разговора, — язык честный, лишенный фальши и слащавости, но при этом понятный и эмоционально близкий детям и подросткам. Этот язык проявился в разговорах, в книгах для детей, в фильмах, выставках. Появились книги о смерти, о сексе, о семейных отношениях, о зависимости, о болезнях и многом другом. Однако смогли ли мы выработать язык для разговора с детьми — с нашими детьми — на гражданские темы? Мы как будто договорились между собой о многих вещах, мы хотим, чтобы в России сформировалось гражданское общество, мы много чего делаем для этого. Но разговариваем ли мы об этом с нашими детьми? Не монополизирован ли детский гражданский дискурс по-прежнему государством? Есть ли альтернатива государственному языку гражданского воспитания?»

Эх, то-то и оно, что о смерти, сексе и болезнях говорить легче. То есть, конечно, быть первопроходцем нелегко, но все же проложить дорогу в джунглях легче, чем обновить наезженную колею. Для ранее запретных тем просто не было слов, и мы их нашли, а для условно говоря гражданских — слов сколько угодно, но все замылены, заезжены, обесцещены. Уж, кажется, родителей современных подростков не успели закормить советской идеоло-

гической похлебкой, но, видимо, и того малого, что пришлось на их долю, хватило, чтобы у них сводило скулы от высоких слов. Поэтому с таким упоением бросились новые детские писатели смешить и развлекать детишек. Конечно, смех — великое дело и, между прочим, отличное лекарство от догматизма, почему и считаются опасными при любом деспотическом режиме абстрактные стишки и беспабашные сказочки. Человеку с хорошим чувством юмора не так легко запудрить мозги. И все же хорошо бы россиянину лет, скажем, двенадцати плюс-минус года два можно было взять в библиотеке честную книжку не только о Петре I или Михайло Васильевиче Ломоносове, но и об Андрее Дмитриевиче Сахарове или Александре Исаевиче Солженицыне.

В числе участников разговора о гражданском разговоре были историки, учителя, правозащитники, психологи, писатели, журналисты. Вспомнили об американских музеях национальной конституции и Холокоста, о книжках для детей, состоящих из вопросов и ответов простыми словами с примерами из жизни соседей и одноклассников и тут же споткнулись. Во-первых, простыми словами мож-

но изложить только то, что хорошо понятно самим взрослым. «Где проведена работа по осмыслению истории, там есть и тексты для детей, — заметил директор Музея и Общественного центра имени Сахарова Сергей Лукашевский и с горечью добавил: — А у нас пока нет общественного языка и для взрослой аудитории, если она чуть пошире этого шатра». Журналистка Ирина Ясиная призналась, что ей легче говорить на общественные темы по-английски, чем по-русски, даже перед слушателями Школы публичной политики.

Учитель Александр Закуренько предложил другой способ приобщения детей к гражданским темам. Он провел для своих, правда, уже взрослых учеников урок о Венедикте Ерофееве на развалинах дачи Муромцева в Царицыно, попутно рассказал о том, как жители Бостона отстояли дом, где родился Эдгар По, и превратили его в музей, а выводы одиннадцатиклассники сделали сами. Все согласились, что лучшее гражданское воспитание — это участие детей в жизненных проблемах: волонтерство, самоуправление на уровне школы, двора, поселка, но такая практика у нас в стране, кажется, не особенно распространена.

Зато традиция читать хорошие книжки еще, слава богу, не увяла. Питерский учитель-словесник Борис Рогинский напомнил, что дети разных возрастов и сегодня читают «Мию, мой Мию» или «Властелина колец» и задумываются о тирании и свободе, героизме и предательстве. Возможно, это не менее прочная основа для воспитания гражданина, чем гипотетическая биография Сахарова. Тут мне вспомнилось, как один очень достойный и мужественный человек, отец Георгий Чистяков сказал во время телепередачи, посвященной губительному влиянию тоталитарных сект: «Знаете, я убежден, что если человек в детстве внимательно читал Пушкина, ему никакая секта не страшна».

В самом деле, важнее учить не тем или иным, пусть самым правильным, взглядам, а мышлению. Только привычка самостоятельно мыслить дает иммунитет против любых, в том числе идеологических манипуляций с любой стороны. А то ведь прилежный ученик сегодня выучит одно, а завтра другое.

«Донести до ребенка информацию — это одна задача, и тут действительно важно найти форму и язык, — заметила психолог Анна Тихомирова, — а передать ему жизненные принципы, нравственные ценности — другая, хоть они и взаимосвязаны. Ценности впитываются в семье».

А все же и информацию о современной истории, например, о принципах демократии и конституционно закрепленных правах, хорошо бы давать детям, пока предрассудки не стреножили рассудок. И не наступать при этом на старые грабли, то есть, как сказал один из участников разговора, выплеснувшегося, благодаря блогу Ирины Ясиной, в Интернет, «не опуститься до уровня одноклеточной пропагандистской машины, про которую потом начнут анекдоты сочинять».

Между тем, пока шла дискуссия, на экране за спинами собравшихся мелькали обложки детских книг — большую часть составляли книги на

английском, французском, немецком, шведском, финском языках, были и переведенные с этих языков на русский, а меньше всего — написанные отечественными авторами. И в этом хороводе время от времени возникали «Дела и ужасы Жени Осинкиной» — ответ Мариэтты Чудаковой на вопрос «круглого стола». Недавно вышел в свет последний том этой трилогии «Завещание поручика Зайончковского».

В интервью газете «Известия», опубликованном вскоре после появления первой части трилогии, Чудакова признавалась: она страдает от того, что нет книги для подростков, в которой отражалась бы «отечественная реальная жизнь». Чрезвычайно деятельная по натуре, Мариэтта Омаровна последовала совету Цветаевой: «Писать надо только те книги, от отсутствия которых страдаешь». То есть книга о Жене Осинкиной написала по социальному заказу совести и потому заразительна и увлекательна не только детективным сюжетом. Пересекая всю страну, чтобы раскрыть убийство и спасти невинно осужденного друга, Женья и ее друзья видят все, что мы видим каждый день: грязь, невежество, обман, подкуп, равнодушие. Только они, в отличие от большинства взрослых, не разводят руками: что ж поделаешь, такая страна, такой народ, такая судьба! — а находят своим рукам и мозгам лучшее применение. Делают, что могут, а могут, как оказываются, очень много.

Автору без труда удастся говорить с детьми о свободе, демократии, сталинизме, расизме, о событиях современной истории. Без труда, потому что Чудакова уважает читателей и не подыскивает каких-то специальных, упрощенных слов.

Когда-то Сельма Лагерлёф писала своего «Нильса» не просто как сказку, а как учебник географии Швеции, который детям было бы интересно читать. Так вот, «Дела и ужасы Жени Осинкиной» чем-то похожи на этот проект, только трудно определить, какой предмет исподволь постигает читатель. Может быть, ту самую гражданственность, как ни громоздко и высокопарно это слово. Простая мысль пронизывает всю трилогию, с первой до последней страницы: все в твоей жизни и в твоей стране зависит от тебя.

Фото Насти Колесниковой, Насти Яковлевой, Оли Петровской и Иры Стороженко

Наталья Мавлевич

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом и ещё не знакомом

Не спи долго — спи умно

«Если вы беспокоитесь о том, что вам никак не удастся поспать обычно рекомендуемые семь-восемь часов в день, это ваша первая ошибка», — пишет британская Индепендент.

Главное — качество сна, а не его продолжительность. Наши самые большие заблуждения — это уверен-

ность в том, что нам требуется семь-восемь часов сна в сутки и что нельзя проспать ночью.

Вставать рано утром — совершенно нормально. Чем моложе человек, тем меньшую проблему для него это представляет. Студенты способны сдать экзамен на «отлично», даже если вообще не спали предыдущей ночью.

Также не стоит преувеличивать важность воздержания от еды перед сном. Гораздо важнее вовремя позавтракать. Делать это нужно во время так называемого «метаболического ок-

на» — когда наш организм лучше всего настроен на то, чтобы извлечь из еды наибольшее количество полезных веществ. Также рекомендуется обращать внимание на свои сновидения, отыскивая в них указания на еще не разрешенные жизненные проблемы.

Не существует и единого для всех стандарта продолжительности здорового сна. Важно приспособиться к своим потребностям. В какие-то периоды вам может быть необходимо для сна только четыре часа. В других случаях это время может увеличиваться до семи или восьми часов. Полезно делать краткие перерывы на сон в течение рабочего дня, а также прodelывать физические упражнения.

Для здорового сна важна обстановка. Кому-то лучше спится под «белый шум», некоторые используют закладки для ушей и повязки на глаза. Все это для того, чтобы уменьшить количество раздражителей и послать мозгу сигнал о том, что вы в безопасности.

Главное —
качество
сна

Сохранить когнитивные способности

С возрастом мы утрачиваем познавательные, или когнитивные, способности: испытываем трудности в усвоении нового, жалуемся на забывчивость, не можем вспомнить имена и лица. Как влияют на эти процессы питание, курение, «интеллектуальные» игры или занятия спортом?

Изучив результаты более 160 исследований, ученые Дюкского университета не обнаружили веских доказательств в подтверждение заметного влияния упомянутых факторов. «Мы выявили пользу некоторых витаминов из группы B, в частности, фолиевой кислоты, — отметил соавтор исследования Джеймс Берк. — В некоторых случаях замечен положительный эффект физических и умственных упражнений и диеты, однако не настолько значительный, чтобы можно было делать однозначные выводы».

Обобщив результаты некоторых предыдущих исследований, ученые Дюкского университета подтвердили, что умственная гимнастика действительно улучшает когнитивные способности. «Когнитивное стимулирование — одна из областей, где мы отметили положительный эффект, — говорит Джеймс Берк. — Причем конкретный вид занятий не имеет большого значения. Главное — чтобы это была гимнастика для ума».

Анализ исследований также выявил неубедительность постулата о пользе лекарств или пищевых добавок для предотвращения или замедления упадка познавательных способностей.

Когда следует начинать половое воспитание детей? В возрасте пяти лет, считают ученые из Национального института здоровья Великобритании. Своевременно полученные детьми сведения о сексе позволят предупредить раннюю физическую близость с противоположным полом и отложить ее до момента, когда молодые люди будут к этому готовы, — так считают медики, данные исследований которых приводит Reuters.

Отсутствие правильного полового воспитания детей в раннем возрасте приводит к увеличению количества подростковых беременностей — в Великобритании оно одно из самых высоких в Европе, несмотря на 13-процентное падение за последние 10 лет.

Инструкции Национального института здоровья не являются обязательными, но медики надеются на их повсеместное выполнение. Директора школ (маленькие британцы считаются школьниками с четырех лет) должны следить, чтобы детям рассказывали о проблемах человеческих отношений уже в начальной школе — с пяти лет.

«Эти темы надо объяснять, исходя из уровня восприятия детей и основываясь на их потребностях. Преподавание должно учитывать особенности культурной среды, семьи ребенка, вероисповедания», — говорится в рекомендациях. Для самых маленьких все будет начинаться с разъяснения ценности дружбы и взаимного уважения.

Согласно данным социологических опросов, 40 процентов моло-

Нянчиться
с внуками
готовы!

дых людей считают свое образование в области секса и человеческих отношений совершенно недостаточным.

Прежнее правительство лейбористов разработало законопроект о введении обязательного полового воспитания в школах, однако он так и не был рассмотрен. С его жесткой критикой выступили противники абортот и некоторые религиозные группы, которые ключевым моментом считают не просвещение, а пропаганду воздержания.

В палате лордов, сообщает Би-би-си, представлена программа социальной помощи подросткам, главными действующими лицами которой должны стать пенсионеры-добровольцы. Идея заключается в том, чтобы тинейджеру, у которого нет бабушек и дедушек, предоставить возможность пообщаться с людьми, умудренными житейским опытом. Инициатива принадлежит лорду Фрейду, помощнику госсекретаря британского правительства, отвечающему за реформу социального сектора. Еще до назначения на эту должность он вложил в программу около 200 тысяч фунтов стерлингов из собственного кармана.

По словам лорда Фрейда, идея пришла к нему после размышлений о собственном деде: «Наши с ним отношения были самыми важными в моем взрослении и воспитании, не считая отношений с родителями. Поэтому мне захотелось понять, насколько этот опыт универсален и применим в ситуациях с трудными подростками». Важно, чтобы пожилые британцы помогали подросткам советом в таких вопросах, как трудоустройство, отношения с родителями и друзьями и учеба.

Вот один таких добровольцев, пенсионерка Сара. Она надеется на то, что отношения с вверенным ей подростком Джо будут интересны обоим, — ведь подростки находятся в самом начале жизненного пути, перед ними стоит огромное количество вопросов, но в то же время открывается масса возможностей. «Насколько я понимаю, — говорит Сара, — моя роль — быть в основном слушателем и, по возможности, делиться тем, чему меня научила жизнь».

Мужчины и женщины старше 50 лет сначала отбираются руководителями программы, а затем проходят специальный тренинг. Каждому из таких специально обученных добровольцев психологи подбирают подходящего подростка, с которым они встречаются один на один раз в неделю, по крайней мере, на три часа.

Кто первым встал, того и тапочки

Появляющаяся у мужчин в «определенном возрасте» склонность проводить большую часть времени в домашних тапочках наедине с газетой, объясняется, возможно, не просто «вселенской усталостью и апатией», а мужской менопаузой, пишет «Таймс», ссылаясь на результаты исследования, опубликованные в «Новом английском медицинском журнале».

В исследовании приняли участие почти три с половиной тысячи мужчин в возрасте от 40 до 79 лет. Примерно у 5 процентов было отмечено падение уровня тестостерона с достижением определенного возраста, в результате чего у них «пропадало сексуальное влечение, им не хватало энергии на повседневные дела, они

ощущали тоску и усталость». Для таких пациентов предлагается заместительная тестостероновая терапия.

Мужская менопауза длится дольше, чем у женщин, которые, как правило, переживают этот этап между 45 и 55 годами. Авторы исследования выделили 9 основных симптомов мужской менопаузы, в числе которых: отсутствие либидо, нарушения эрекции, неспособность совершать энергичные действия, плохая концентрация внимания, чувство никчемности и беспокростия. Между тем профессор репродуктивной эндокринологии из Имперского колледжа в Лондоне Илпо Хухтаниemi предостерегает: «Лень не относится к числу диагностических критериев».

Кесарево сечение против полезной микрофлоры

Вот ты и появился на свет!

Состав первых микробов на теле и в кишечнике новорожденного зависит от способа рождения. Микробиологи выяснили, чего именно

лишаются дети, рожденные при помощи кесарева сечения.

В исследовании специалистов Университета Пуэрто-Рико участвовали их коллеги из Университета Колорадо и двух институтов Венесуэлы.

Получены доказательства того, что рождение ребенка путем кесарева сечения (если к тому нет серьезных показаний) нежелательно не только для матери, но и для младенца. Микрофлора новорожденных, появившихся на свет таким способом, отличается от микрофлоры родившихся естественным путем. И в этом причина большей болезненности «кесаревых» младенцев, считают авторы работы.

Под наблюдением находились девять рожениц и десять младенцев (одна из женщин родила двойню). Четыре женщины рожали естественным путем, а пять — при помощи кесарева сечения. У всех матерей после родов взяли пробы бактериальной флоры с кожи и со слизистых оболочек. А у всех младенцев сразу после их появления на свет — образцы микрофлоры с кожи, со слизистой рта и кишечника, а также из носа.

Микрофлора новорожденных отличалась прежде всего однотипностью на всех местах тела: что на коже, что во рту, что в носу, что в кишечнике

она одинакова. Но самое интересное, что она зависела от способа рождения.

У младенцев, которые прошли через родовые пути матери, в бактериальных сообществах преобладают лактобактерии и другие микробы матери. А у «кесарят» микрофлора всех частей тела характерна для кожного сообщества, с преобладанием стафилококков. И в этих случаях не наблюдается никакой связи с материнским организмом.

Плод в матке развивается в стерильных условиях, объясняют авторы исследования. Первую порцию микробов новый человек получает, только когда рождается. И порция явно зависит от способа рождения. Если ребенок проходит через родовые пути, то происходит передача бактерий от матери к ребенку. Если его вынимают путем операции, он цепляет на себя все подряд.

Известно, что младенцы, родившиеся путем кесарева сечения, больше подвержены стафилококковой инфекции (по статистике на них приходится от 64 до 82 процентов заболевших). У этих детишек позже происходит колонизация кишечника полезными бактериями, они чаще страдают от аллергии и астмы. Им особенно необходимо введение в организм пробиотиков, включая лактобактерии.

Результаты исследования важны, так как все больше женщин разрешаются от бремени путем кесарева сечения (например, в США таких более 30 процентов).

Покуражимся?

Выявлена область головного мозга, активизация которой позволяет человеку почувствовать кураж и действовать вопреки собственному страху, это открытие можно использовать для лечения психических расстройств, связанных с неспособностью преодолеть собственные страхи, сообщают израильские исследователи из Вейзмановского научного института в Реховоте. Результаты их работы подчеркивают важность поддержания высокой активности этой области мозга (передней части поясной извилины) для успешного преодоления чувства страха и говорят о возможности воздействия на нее терапевтическими средствами для лечения расстройств, связанных с неспособностью преодолеть страх.

Команда ученых под руководством Ядина Дудая провела серию экспериментов с участием добровольцев. Им нужно было преодолеть страх перед определенным предметом, в данном случае змей, и приблизить к себе контейнер, в который ее поместили, или, напротив, отдалить его, если они не смогли справиться с ужасом. В контрольных экспериментах змею, пятнистого лазающего полоза, заменяли на плюшевого медвежонка.

Во время эксперимента ученые сканировали мозговую активность добровольцев с помощью томографа и фиксировали уровень их волнения и физического раздражения, определяя, как в результате потоотделения меняется электропроводность кожи. Перед экспериментом проводилось психологическое тестирование, чтобы выявить среди участников смельчаков и тех, кто боится змей.

Было установлено, что желание отдалить пугающий предмет возникало у добровольцев, как и следовало ожидать, в результате возникновения сильного чувства страха и заметного физического раздражения.

В то же время желание приблизить к себе змею проявлялось у людей, если они испытывали физическое раздражение, но относились к разряду смельчаков, или испытывали страх, не подкрепленный физическим раздражением.

Сканирование головного мозга добровольцев показало: чем сильнее у смельчаков был страх при приближении змеи, тем сильнее активизировалась названная область мозга, тем ярче проявлялся кураж, действия вопреки страху. При этом одновременно подавлялась активность височных долей головного мозга. «Эти данные указывают на мозговые процессы и механизмы, поддерживающие один из интригующих аспектов человеческого поведения — способность действовать по собственной воле вопреки страху, — то, что принято называть куражом», — считает Дудай.

Н. П. (по материалам Интернета, иностранной печати и радио)

Нам ещё математику решать...

Семейный подряд в действии

**Елена
Никитина**

Когда у моей подруги детства дочь пошла в школу, наши отношения надолго замерли. В течение нескольких лет практически каждый телефонный разговор завершался ее фразой: «Не могу больше разговаривать, мне еще...» Далее следовали варианты: «делать русский», «решать математику», «переводить английский». И когда однажды прозвучало: «вышивать крестиком», — я не выдержала и напомнила ей, что вообще-то мы с ней тоже учились в школе, причем родители с нами (за нас?) уроки не делали ни в первом, ни в десятом классе. «Что сказала бы твоя мама, предложи ты ей крестиком вышивать?» — ударила я под дых. «С ума сошла!» — только и нашла слова подруга. Действительно, в наше время и в нашей среде столь примитивно вовлекать родителей в учебный процесс не просто считалось дурным тоном — сама мысль об этом была невозможной.

Но вот теперь у меня двое детей-школьников. И нередко они сообщают мне о получении особо трудных или нестандартных заданий, для выполнения которых требуется родительская помощь.

— Мам, — кричит сын, нахаленок-второклассник, — тебе доклад задали про клеща на букву «и», я название забыл!

— «Инцефалитного», что ли?

— Ага.

Понятно, что подготовка грамотного сообщения об опасных членистоногих совсем не то же, что вышивка крестиком на оценку. Я, конечно, стараюсь, чтобы участие детей в «моих» заданиях было максимальным. Однако рука современного школьника тянется к Интернету, а в нем — к первой же выпавшей странице. А для качественного доклада необходимо использование как можно большего числа источников, в том числе и тех, до которых в Сети не вдруг докопаешься. Уже набранную информацию следует приспособить к полученному заданию. Вот и с клещами так: можно скомпоновать готовые куски текста об энцефалите и боррелиозе, а можно «со слезой» рассказать о тяжелых болезнях, после которых люди остаются инвалидами (от энцефалита даже умирают), и о том, как обезопасить себя.

За такие задания, выполнение которых не для галочки иной раз просто не по силам детям, я обычно принимаюсь с особым энтузиазмом и не сожалею о потраченном времени. Во-первых, как правило, удается добыть действительно (в том числе, и лично для меня) интересные факты. Во-вторых, такой текст обязательно будет прочитан вслух на уроке, а значит, я могу донести до собственного ребенка удовлетворяющую меня информацию по изучаемой теме. Нередко сведения, сообщаемые в школьных учебниках, а также предлагаемые к выполнению практические задания или «контрольные вопросы», вызывают у меня недоумение и встречные вопросы, а тут в руках оказывается инструмент для «правильного», с моей родительской точки зрения, воздействия на умы подрастающего поколения, и грех этим не воспользоваться. Возможно, педагог-педант подобный подход и осудит, но уверена: большинство родителей, получающих второе или третье (в зависимости от количества детей) среднее образование поступают точно также. Иногда это приводит к почти анекдотичным ситуациям.

Друзья попросили помочь: их дочь участвовала в районной олимпиаде по английскому. Иностранный текст перевели сообща — отец и старшая сестра в свое время окончили ту же спецшколу, где училась конкурсантка, а вот с литературной обработкой возникли проблемы. Опуская подробности — мы заняли первое место. Но — пополам с одним мальчиком. Подумав немного, мы решили, что наше место «первее». За конкурента выступали переводчик (мама) и редактор (папа). У нас же из взрослых профи — только литературатор в моем лице.

Помогая детям, где надо (и часто — где вполне можно этого не делать), любой родитель, наверное, подсознательно ждет не дожидается того момента, когда дитё вырастет и станет самостоятельным, когда начнет заботиться о «предках» и станет в семье «старшим». Вот и делать уроки «за дочь» мне почти уже не удается — к своему шестому классу она полюбила и научилась учиться, а потому совсем редко приносит задачки по математике, давая возможность испытать гордость от того, что я еще справляюсь со школьной программой.

Однако нередко взросление детей происходит несколько однобоко — и родители эту «асимметрию» старательно усиливают, полагая, что так и должна выглядеть их забота о ребенке.

Дети растут, это обязательно и неотвратимо, это понимает любой разумный человек. Однако, как недавно выяснилось, далеко не для всех окончание школы становится качественным рубежом, за которым прекращается родительская опека недорослей-несмышленишей.

...Тетрадь по математике за второй класс открылась как-то сама на «удачном» месте. На меня смотрела огромная, смачная, какая-то омерзительно сытая двойка — прямо-таки копия лебедей из мультфильма про страну невыученных уроков. Рука, исполнившая оценку, явно испытала наслаждение. Вдвое меньше по размеру четверки-пятерки и даже тройки терялись среди каракулей моего сына, а эта «пара» усугубилась еще и каллиграфически выведенным рядом: «Безобразие!».

Что ж, домашняя работа действительно безобразна. Но таковой она была признана еще дома, сразу после «неудачной попытки» (а именно под ней все это и красовалось). Сын аккуратно перечеркнул работу карандашом и тут же — ниже — переделал. Педагог не увидела, что ошибки исправлены? Дважды за вечер выполнено одно и то же домашнее задание не свидетельствует о том, что ребенок достаточно наказан? Я чувствовала себя еще хуже, чем сын, — давила несправедливость.

— Ну-ка... — вдруг встряла дочь. — Так это не их учительница написала!

— А кто же?

— Ее мама.

— Учительницы?!

Старенькая мама, в прошлом педагог, в последние годы подрабатывает уборщицей — вести уроки оказалось гораздо тяжелее, чем мыть полы. Иногда она проверяет учебничные тетради. Ребенок любого возраста — даже учительница в возрасте за сорок — нуждается в защите и поддержке. Вот и очередная мама «не отдала» свою дочь «врагам» — целому классу девятилетних детей.

Первый класс

Школа, оказывается, — волшебные запахи и хор. Сентябрь 1948 года. Борька шагает в школу. Торжественная линейка 1-го сентября совсем не осталась у него в памяти, но запахи... Волнующие запахи портфеля, пенала, карандашей (особенно любимый аромат), свежеевыкрашенных стен и парт, спортивного зала, в котором заодно по вечерам хором поют «Шел отряд по берегу, шел издалека, Шел под красным знаменем командир полка». И еще «Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч, Над тобой летят журавли». Не забылось.

Да! Школа — это новые помещения с их интригующими благоустройствами и хор.

И еще, как скоро выяснилось, в школе ставят смешные короткие пьесы. Соревнования по бегу тоже весьма хороши.

Уроки в школе были довольно занудными, но иногда становилось интересно. Особенно рисовать. Со второго полугодия, когда букварь стал пройденным этапом, началось блаженство под названием «Родное слово» — стихи и рассказы, увлекающие тебя в неведомую даль. Картинки лесов и полей, старинных кремлей и воинов...

На уроках иногда учительница портит настроение, вдруг обидевшись на кого-нибудь из класса и разразившись длинной нотацией. Станет красной — злой. Потом успокоится.

Домашние задания и догматизм орфографии. Пошли домашние задания, кляксы, вырванные странички, переписывания, упражнения. Правописание — тайна, алогичность, непостижимость. Домашнее задание: «За.п». Одноклассник Витя Фомин настаивает, что «Заиц». Борька меньше верит в нормальность орфографии и подозревает какой-нибудь изощренный подвох. Предполагает, что «Заеиц», Когда вечером приходят с работы родители и выясняется, что «Заяиц», Борька в шоке. (В школе — так надо. «Бесспорно, ибо нелепо».)

Идеология в первом классе. Все-таки малыш беззащитен перед большинством идейных влияний школьной среды, если оно находит мощную подпитку из более широкого жизненного контекста. Довольно скоро Борька узнал, что на свете есть два сокола ясных. Один сокол — Ленин, другой сокол — Сталин. Сокол Ленин был менее близким и любимым, чем сокол Сталин. Но вот они сидят на одной скамейке (в человеческом обличье), дружат. Что бы Борька без них делал? Лучше не думать, а то тоска заберет.

Только после начинавшегося «дела врачей-отравителей», его закрытия по смерти Сталина, а также по мере узнавания Борькой жизни в деревне начинал он понимать, что его, первоклассника, обманывали насчет соколов. Позднее он в приступе «дикого вдохновения» сочинил стихотворение об открывшейся ему «страшной тайне». «Клянусь: из моего пера Прольются правды лишь слова. И клятву крепкую мою Я к смерти чистой сохраню. Еще я ребенок — немного мне лет, Но жизни имею готовый ответ: Писателем буду. Я знаю о том, Что ждет меня с правдой моею потом: Святой мой

в Борькиной жизни

Борис Бим-Бад

студенческий первый обет, И ряд незабвенных учения лет, И первые правды открытой слова, И первые книги... Наверно, тюрьма За страшную истину, длинный язык. И вот я седой бесталаный старик... Умру я, но правда вовек не умрет... Быть может, по смерти признание ждет?»

Школа — отнюдь не только учеба, а больше всего — взаимодействие с людьми разного возраста. Общение, которое дает самое нужное для растущего Борьки знание, самый ценный жизненный опыт. И самое интересное в школе, конечно, суть разговоры и игры со сверстниками из своего и параллельного класса.

Благодаря новым школьным знакомствам круг общения его весьма расширился, и Борька невольно начинает делать посылки обобщения. По мере того, как ширится Борькин круг общения, раздвигается и его кругозор.

Война снова и снова врывается в его сознание. Она и прежде была для него отнюдь не только салютами, но и недоеданием, и педикулезом, и нехваткой одежды. Но теперь перед его воображением открываются картины боевых действий, точнее — несомых ими людских страданий.

У одноклассника Серёги Радужкевича старший брат только сейчас вернулся из госпиталя, поскольку был тяжело ранен. Моряком воевал. Он рассказывал Серёге, как под заковывавший его ноги гипс пускали червей, чтобы те поедали гной, и какой невыносимый это был зуд. Он просил сестричку сделать ему укол воздухом в вену. Тогда бы у него остановилось сердце, и все попытки кончились бы. Но вот его вылечили, сейчас думает жениться. Серёга его страшно уважал.

Ближе к весне в Борькиной школе умерла уборщица, сын у нее на фронте пропал без вести. В школе к ней бережно относились, на ее лице всегда было страдание. Она говорила, что если бы сын был жив, то он дал бы знать о себе.

В гардеробе вешал пальто мужик с одной рукой. Все знали, что его засыпало землей от взрыва, его сильно контузило. Он боялся открытых пространств, перейти улицу для него было мукой, на него нападали паника, мальчишки говорили, что от ужаса он мог описаться и обкакаться.

Выясняется, что взрослые несовершенно! Взрослые, оказывается, бывают глупее детей! Постепенно он утрачивает почтение к сединым как таковым, столкнувшись на улице с несколькими бессмысленно пьяными стариками (еще и ругаются грязно!). Орут, обзывают, фи. Борька не встретил ни одного ребенка, напившегося таким пьяным.

Главное же, взрослые не играют в фантастически увлекательные игры. Станут большие вскарабкиваться на опасные развалины разбомбленных домов! А как дети быстро понимают друг

друга во время операции по захвату противника и как потом радостно смеются... Какие дети вдохновенные, увлекающиеся, как им улыбается солнышко, и Борьке иногда не кажется трудным дотронуться... до неба.

Дети иногда более наблюдательны, чем взрослые. Борька однажды разозлил директора школы тем, что всё порывался подсказать ему и учителям, как можно безболезненно извлечь какую-то старую машину из-под горы наваленных на нее досок.

— Ты что, умнее всех?
— Нет! Я просто знаю, что тут все просто.
— Надоел. Если не получится, пеняй на себя.

Получилось, однако! Борька прежде не раз замечал, что водитель опускал руль, когда ставил машину в невысокое укрытие. Сейчас — в отсутствие этого водителя — взрослые не знали, что стоит опустить руль, и машина свободно выберется из-под горы.

Взрослые занимаются глупостями.

Борька не ходил в дошкольные учебные заведения и потому был невежествен в вопросах пола. Но в школе малые дети тут же поведали Борьке, как то было и с одним из героев Фазили Искандера, что «Одиножды один — приехал господин. Одиножды два — пришла его жена. Одиножды три — в комнату вошли...». И так дальше. Картина супружеской жизни, совершенно лишенная какого-либо чувственного содержания, двигалась согласно цифровому нарастанию к своему суровому, бессловесному завершению и на счете, кажется, десять должна была завершиться отъездом этого таинственного господина. Тайна деторождения открылась в первом же классе во всей своей неинтересности.

Какими глупостями занимаются эти взрослые и притом гордятся тем, что могут размножаться. Борька стал довольно брезгливо относиться к взрослым с их деторождением как предлогом для высокомерного отношения к детям

Раздельное обучение. В Борькиной школе были только мальчишки, девочки ходили в другую школу. С девочками ребята играли во дворе, в Александровском саду и в маленьком сквере на Площади Революции. Борька любил играть именно с девчонками, а больше всех — с тихой улыбчивой девочкой, о которой говорили, что у нее порок сердца. Во всяком случае, она не бегала и

не прыгала, а неспешно ходила, и с ней интересно было говорить, рассказывать ей истории о родственниках и из детских книг.

«Трусоват был Борька бедный», — перефразирую я А. С. Пушкина. Мальчишек Борька боялся, трусил драк. За всю его долгую шести-семилетнюю жизнь его никто не ударил. И он не мог понять, как это — бить по лицу! Хватать, валить, пинать... Поэтому в классе он дружил только с немногими тихими пацанятами. Стайки знакомых «хулиганов» обходил за три версты, а то и пускался в превентивное позорное бегство. Впрочем, за ним никто не охотился.

Школа была бы хороша переменами: побегать можно бы, даже и в салочки поиграть. Да вот беда — рогатки и жеваная бумага из трубочек. Сделать ближнему больно и неприятно было развлечением и удовольствием для населения семилетних в те годы. Борьке редко попадало, так как он выпрашивал у учительницы разрешение остаться в классе, не выходить на перемену в коридор. Увы, это не всегда удавалось.

Нет, что ни говорите, а раздельное обучение — штука неправильная.

Письменный стол. В семье у Борьки его новый социальный статус школьника — высоченный. Доказательством служит малюсенький письменный стол, заказанный для Борьки папой у знакомого столяра. Вообще-то семья Борьки живет в настоящих хоромах: целых 17 метров, включая прихожую-кухоньку, на пять человек. Раздвигают всё и ставят персональный стол, чтобы свет из небольшого окна падал слева, чтобы уроки делать, а в столик встроена тумбочка с тремя ящиками, и у каждого ящика — медная ажурная ручка и замок с медным (золотым?) ключиком.

Столешница покрыта чем-то темно-зеленым, что хорошо моется, и, приступая к работе, Борька каждый раз моет почти малахитовую поверхность чистой тряпкой. Любимый миниатюрный стол пахнет стабильностью и правильностью. Уроки — святое. Всю оставшуюся ему жизнь Борька провел за письменными столами с тумбочками.

Хрупкое здоровье у первоклассника. Частенько Борька болел, не ходил в школу и, сидя дома, все больше читал и распевал песни и арии из опер, которые часто передавали по радио. «Алеко» он почти выучил наизусть. «Весь табор спит» Борька пел, конечно, не баритоном, а фальцетом, что совсем не просто... Приятель отца меланхолически заметил, однако, что у Борьки голос не сильный, но очень противный. Борька все равно горланил «Моя Земфира охладела!» на горе соседей. Пение было страстью.

Однажды он сильно простыл, был жар, бред, тошнота. На всю жизнь запомнил Борька, какое колоссальное его охватило чувство свободы — радости бытия, когда одним прекрасным утром он смог встать с постели, подойти к открытому окну и дышать, дышать, дышать... Весна...

Первый класс окончен. Пропуски школьных занятий никак не сказались на Борькиных успехах в учебе. В «Табели» стояли почти одни пятерки за все четверти и за год. Нет, учиться совсем не было легко, но Борька рос «трудоголиком»... Главное же — он учился уживаться с окружающим миром.

Фото Ильи Ципина

Трудные взрослые

страдание **боль** депрессия
дети **мама** **РАЗВОД** **папа**
ложь обвинение **страх**

Юлия
Корчагина

Первые
статьи
цикла
«Трудные
взрослые»
напечатаны
в №№ 3–5
и 7.

«*Девочка, а кого ты больше любишь — маму или папу?*» Широкое любопытное лицо с блестящими глазами наклоняется ко мне очень близко. Голос неестественный, приторно-ласковый; так обычно разговаривают с умственно отсталыми или с чужими маленькими детьми — чтобы лучше поняли. Я молчу, глядя в сторону, и в конце концов лицо разочарованно отодвигается от меня. «Почему ты не отвечаешь тете? Тетя обиделась», — с укором говорит мама.

Остаток нашей прогулки проходит как-то скомканно, мама со мной почти не разговаривает, а я вспоминаю и размышляю. Когда мы летели домой из Анапы, я очень боялась, что самолет может упасть. Родители тогда сказали мне, что если самолет сломается, то всем дадут парашюты. Я потом даже расстроилась, что он так и не сломался, и нам не пришлось полетать на парашюте. Разве можно всерьез чего-то бояться рядом с родителями?

Теперь я представляла себе, как стюардесса, похожая на ту любопытную женщину, вкрадчиво спрашивает: «*Девочка, кого ты больше любишь — маму или папу? Папу или маму? Остался только один парашют, кому ты его отдашь — маме или папе?*»

Я очень люблю маму. Мама добрая, она называет меня ласковыми прозвищами, читает мне книжки и всегда заботится обо мне. Папу я тоже очень люблю — он сильный и веселый, рассказывает разные смешные истории, ходит со мной гулять и умеет чинить мои игрушки. Стюардесса про это ничего не знает, она ждет, что я ей отвечу, — ведь самолет уже начинает падать, и надо быстрее выбрать, кому отдать парашют. Это же так просто — решить, кого ты больше любишь, маму или папу. Ведь кто-то из них лучше, добрее, красивее, умнее. Долгая минута ужаса сменяется восторгом: я нахожу правиль-

ный ответ. Я радостно кричу стюардессе: «*Я люблю родителей, я их люблю одинаково!*» Я оставляю свой парашют (теперь хватит и маме, и папе), разбегаюсь и выпрыгиваю из самолета, раскинув руки, — скорее, чтобы никто не успел задержать меня. Я улыбаюсь, я счастлива.

Вечером я рассказываю старшей сестре о своем замечательном решении, но сестра не разделяет мою радость. Сузив глаза, она говорит мне что-то страшное: оказывается, наши родители уже давно решили развестись. Сестра говорит, что в таких случаях один из родителей куда-то уходит, а дети остаются или с мамой, или с папой. «*Кого ты больше любишь — маму или папу?*» — спрашивает сестра.

Третий раз за сегодняшний день я испытываю этот ужас. Мне казалось, что я уже нашла отличный выход, но, оказывается, все еще хуже, и надо решать заново — уже всерьез. И нельзя выпрыгнуть из самолета, потому никакого самолета нет, и нельзя просто так умереть, потому что родители очень расстроятся, да и страшно. Вот если бы можно было умереть понарошку, ненадолго, — чтобы проснуться, а родители снова вместе.

Сестра продолжает говорить и лицо у нее очень суровое. Она собирается остаться с мамой — потому что маму ей больше жалко, и потому что папа в чем-то перед ней виноват. Я не верю, что папа плохой, но ведь и сестра не может меня обманывать... Она еще объясняет мне, что мужчинам почему-то нельзя верить. И что она, сестра, никогда поэтому не выйдет замуж, и мне не советует. Я ее слушаю и совсем ничего не понимаю, как если бы она говорила на китайском языке. Перед глазами у меня мелькает та женщина с любопытным лицом и неестественным голосом и папа, пролетающий мимо без парашюта и машущий мне рукой. Ночью у меня поднимается температура.

Родители все-таки развелись, и мы остались с мамой. Мне так ничего и не сказали. Просто когда я вернулась из больницы, папы уже не было — не было никаких его вещей, компьютера, инструментов, электрической бритвы в коридоре. Как будто его никогда не существовало. Исчезли его сигареты с подоконника на кухне. Квартира была чистой и немного чужой. Мама все время говорила, что она очень устала. Папа не звонил и не приходил к нам, хотя я его очень ждала. Мне было его немного жалко, но еще я обижалась, что он не приходит ко мне. Мне стало казаться, что папа никогда не любил меня, а только притворялся, потому что не хотел обижать.

Сестра стала часто куда-то уходить. По вечерам они ругались с мамой на кухне. Я почти перестала есть и сильно похудела. По ночам мне все время снились падающие самолеты, я просыпалась и тихо плакала, чтобы никого не разбудить. Но мама все-таки просыпалась и раздраженно говорила, что у нее нет на меня никаких сил.

В конце концов кто-то посоветовал маме отвести меня к психологу. Я очень боялась, что психолог будет похожа на ту женщину с любопытным лицом, и тоже будет задавать мне вопросы про то, *кого я больше люблю*. На всякий случай я решила вообще не разговаривать. Сначала я так и поступила, но потом оказалось, что разговаривать там не обязательно, а можно просто играть и рисовать. Примерно через месяц психолог попросила меня нарисовать семью. У меня ничего не получалось. Я ломала карандаши, я протирала бумагу ластиком до дыр — и ничего не могла нарисовать. Тогда психолог отправила меня в другую комнату, а сама пригласила мою маму — и что-то объяснила ей про психологическую травму. А мама в ответ называла папу плохим человеком и говорила, что дети должны поскорее его забыть.

Я решила, что мама, наверное, сошла с ума. Как можно забыть папу, если он — твой папа? Или все-таки можно?..

Потом мама плакала, и они долго что-то обсуждали.

В следующий раз к психологу взяли еще и сестру, и мы, когда пришли, увидели там нашего папу. Я хотела прыгнуть ему на шею, но не знала, будет ли это правильно, — тем более что мама как-то очень напряженно держала меня за руку. Папа тоже нервничал. Я подумала: наверное, они помирились, хотя было не очень похоже.

Психолог сказала, что родители хотят нам кое-что сообщить. Сначала она немного рассказала, что такое развод, и как он случается в разных семьях, и что бывает с детьми, и почему иногда так странно ведут себя родители. Но я не очень слушала, я все время смотрела на папу и ждала, что же будет дальше.

И вот мама с папой сказали, что они поссорились по какому-то важному взрослому вопросу, и папа переехал в другую квартиру и будет там жить. И если раньше родители вместе нас любили, то теперь будут любить по отдельности. Но любить обязательно будут, потому что мы их общие дети, а *общие дети — это навсегда*.

Я не поняла, как это — любить по отдельности, но они мне все объяснили. Я узнала, что теперь можно в любое время звонить папе по телефону и приходить к нему в гости — почти каждые выходные и даже среди недели. Мама сказала, что будет очень рада нашим встречам с папой, потому что без папы у нее не выросли бы такие замечательные дочки. И папа вдруг тоже сказал, что он благодарен маме за таких дочек.

Ночью мне снова снился самолет. Женщины с любопытным лицом там больше не было, а стюардесса оказалась похожа на нашего психолога. Она подошла к нам и сказала, что самолет сломался и будет падать. Но мы не должны сильно волноваться, потому что у каждого есть парашют — и мы все можем спастись.

Утром я нарисовала рисунок — сломанный самолет и четыре фигурки на парашютах, наша семья. Я показала этот рисунок маме, и у нее стали такие странные глаза, как будто она собирается плакать. Но она не заплакала. Она достала наш семейный фотоальбом, и мы выбрали самую лучшую фотографию. На пляже в Анапе мы улыбаемся фотографу — мама, папа, я и сестра. Эту фотографию мы поместили в рамку и повесили на стену — над моей кроватью.

Мне очень жалко, что мои родители развелись, и когда я про это говорю, мама сажает меня к себе на колени. Она больше не говорит «Я устала от твоих слез» или «Так будет лучше для всех». Теперь она меня утешает, я плачу немного, а потом мне становится легче.

Юлия Владимировна Корчагина, кандидат психологических наук, клинический психолог наркологического диспансера № 3 Москвы, старший научный сотрудник Московского гуманитарного педагогического института

Ежедневный развлекательно-познавательный интернет-портал «СОЛНЫШКО» приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!

Новое в сентябре 2010 года:

- викторина «Правила дорожного движения»;
- сентябрьские фотоконкурсы детского обаяния;
- бесплатные консультации психолога и логопеда;
- астрологический прогноз на сентябрь для мам и детей;
- новые сценарии детского дня рождения и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт www.solnet.ee!

С 1 сентября открывается подписка на «Семью и школу» на 2011 год

В любом отделении связи вы сможете оформить подписку на журнал по одному из следующих индексов:

- 70909** (подписка на первое полугодие) и **72372** (годовая подписка) — Агентство подписки и розницы, оформление по Объединенному каталогу «Пресса России»;
- 70906** (подписка на первое полугодие) и **83335** (годовая подписка) — Агентство «Роспечать», получение журнала бандеролью, оформление по каталогу «Роспечать»;
- 99351** (подписка на первое полугодие) и **11387** (годовая подписка) — Межрегиональное агентство подписки, оформление по каталогу «Почта России».

Можно также подписаться через редакцию.

В июле и августе проходит досрочная подписка на журнал по ценам 2010 года.

Продолжается подписка на оставшиеся месяцы 2010 года.

Подробности — на сайте mag7a.narod.ru

Голоса из мёртвой деревни

Людмила Самойлова

В колхозе воровать приходилось с детства: не украдешь — не проживешь. Воровство делилось на честное и бесчестное. Если колхоз собрал солому, а часть забыл на поле, остаток сгниет, поэтому забрать его — честное воровство. Без соломы нельзя. Корове нужна подстилка. Надя, которую мы лечили, рассказывала:

— Прибегает ночью соседка Маруся: «Надя, побежали за соломой!» — и хоть Надя на сносях, бежит. Прибежали, тут живот и схватило. Села бы на землю, да нельзя, ноябрь, земля холодная. Опустилась на корточки, вроде полегчало. Схватила беремя (в нем пуд), понесла. А еще надо. Полежала на кровати и опять. Второе беремя Маруся помогла донести. Маруся и на кровать уложила: «Ой, Надя, головка-те выходит». Вот радость, и два беремени притащила, и родила Мишу не в поле, а на кровати. Миша родился младшеньким в пятьдесят втором году.

Пример бесчестного воровства. У Гали Морозовой пять детишек и полон двор скотины. Муж погиб на стройке в колхозе. Видит она, колхозники сметали стога сена недалеко от ее дома, только через речку перенести. Стала она переносить на свой берег. «Я перенесла-те, а Надька в звеньевых была, за каждую былинку колхозную переживала. Увидела она, что сено на другом берегу, собрала его и обратно все перетащила. Ну, думаю, тащи, тащи, одно мое будет. Как смеркло, пошла я и уж не на берег, а в свой лабаз на сеновал закинула. Ей хоро-

шо с тремя детьми в честных ходить, а у меня пять ртов, буду я из себя честную корчить, мне их кормить надо». Любимая деревенская поговорка: «Не пойман — не вор».

Нагнала Лида самогон. А на то время ходили по избам, аппараты отбирали, а самогонку выливали. Вот Лида подкрасила зелье под компот и банки все закрутила крышками, чтобы и в голову не влетело: не компот. А банки все в бане поставила. И на свою беду соседку позвала в бане вымыться. А после бани одну банку открыли и полакомились. Так соседке открылся секрет, что в банках вовсе не компот. И стала она как лиса наваживаться в Лидину баню. Лида придет — хватить, одной банки нету. Кроме соседки некому. Лида ее навестила, а по двору крышки ее валяются. А не пойман — не вор. Пришлось Лиде банки перетаскивать, да получше препятывать. «Нет, — заканчивает Лида, — воровка, не честная».

Я долго не могла взять в толк, за что объездчики стегали кнутом и взрослых, и детей, если те в неурочное время пололи поле. Пололи они траву для своих коров — васильки, сурепку (золотую травку), дикий горошек. Косить не разрешали, а потому ходили далеко в лес за несколько километров. Теперь уж нет в живых ни Нади, ни ее мужа Василия Федоровича, а память, как аромат, жива. Они сидели рядом у печки, и Надя с такой нежностью вспоминала: «А там, Николаич и Людмила, одна трава-щетинник». По нашим лицам видно — не знают щетинника. «Ну как не знаете, ее еще белоусом называют. Вася лучше всех косил. У других: махнет косой — щетинник ляжет, а потом встанет, и ничего ему не делается. А мой Вася как махнет — у него охапка. Махнет три раза — собираешь беремя. Сметаем стог, а уж смеркается, домой не перетащить. Поставим руки, чтобы средняя наша, Тонька, наверх забралась и караулила до утра. Ух, и страшно ей в лесу одной оставаться было, а что исделаешь?» Надя рассказывает, а у Василия Федоровича глаза теплятся. И от их благостности, казалось, в избе теплее становится. Теперь мы хорошо знаем эту траву, она особенно вокруг сосен разрастается пучками, а осенью топорщится игольчатыми белыми усам. Из усов вытаращивают круглые блестящие шляпки маслят. Для крестьянина слово «любовь» либо слишком абстрактно, либо сказочно. Никто не скажет: мы любили друг друга. Любовь для песни, для Бога, а для жизни нежность в совместном труде, забота.

Давно это было. У Тони заболел муж. Она вспоминает все трудности, выпавшие ей на долю, но ни одной слезинки. Возможно, потому, что, вспоминая, она радуется, что вытерпела более шести лет его болезнь, ни разу не показав ему своего огорчения. Тогда лечили не так, как теперь. Ее Миша заболел раком легкого и лежал около девяти месяцев в больнице в городе Владимире.

— Приезжаю я к Мише, а мне больные говорят: «Вы в будний день приезжайте, вам с врачом поговорить надо». А Миша: «Тоня, мне легкое хотят отрезать. Ты что думаешь?» А я Мише: «Я скажу, режьте, а тебе хуже станет, а не режьте, опять вдруг резать надо. А ты сам как хочешь? Я приеду к тебе через два дня, а ты думай. Отпустили в совхозе, и я приехала, как обещала. Врач спрашивает: «Вы кто ему будете?» Он и не знал, что Миша женат. Спросит у него: «Жена есть?» А мой шутник был. Возьмет, да и ответит: «У меня одни полю-

Продолжение.
Начало
в № 4 и 6.

бовницы». «Ему операция нужна. С операцией я гарантирую: он шесть лет проживет». Я спрашиваю: «Ты, Миша, что думаешь?» И врачу: «Это не мое, это его легкое. Ему и решать». Врач оставил нас, чтоб мы поговорили сами. Миша спрашивает: «Ну как, Тоня?» А я ему: «Миша, не исделаешь операцию, хуже будет, а исделаешь, вдруг помрешь. Моя проблема, Миша, навещать, а операция, это твоя проблема». Врач сказал: если делать операцию, то не раньше, чем через две недели.

Надо сказать, что навещать — путь не близкий. От нас до Владимира двести пятьдесят километров. А до Меленок, откуда идет автобус, двенадцать. Ехать надо рано-рано. И все дома управить: корову подоить, всю скотину в стадо выпустить, собрать для Миши гостинцев, добежать до Меленок и успеть на автобус до Владимира. Нелегкая Тонина «проблема» была.

— Теперь я, Миша, раньше двух недель не приеду. У меня юбилей со ста лет работы. Мне его исделать надо.

(Юбилеем со ста лет работы у нас в Славцеве все называли выход на пенсию. Тяжела, знать, была работа, если рабочий стаж — тридцать семь или сорок лет — вытягивался во все сто.)

Хочешь, я тебя с собой возьму? А он мне: «Нет, Тонька, ты езжай. Со мной ты уделать ничего не сможешь. Ты и так одна и косишь, и скотину, и детей кормишь». Это, Миша, моя проблема, а твоя — выздороветь. «Ладно, Тонь, ты удельвайся потихоньку, а после юбилея тебе делать больше нечего будет, вот, ты и приедешь». Поехала я, удельваюсь помаленьку. А на юбилей из Киржача жду племянницу с ее дочкой. Ейной дочке в шесть лет легкое отрезали. Я ей и приказала только через Владимира ехать. И своим дочкам наказала перед юбилеем к отцу съездить. Они все у него и собрались. И девочку эту, как она прыгает да скачет, он увидел. Большой был юбилей. А и шутка «со ста лет работы». Назначили мне пенсию. Развязала я себе руки. Собрала, что с юбилея оставалось. Полную корзинку набрала. И бутылочку коньячка взяла. Приезжаю, спрашиваю врача, можно отдать в палате, не Мише, конечно, пусть они тоже мой юбилей отметят. «Можно, — говорит врач, — и коньячку понемножку можно». Вот они едят, закусывают, а Миша, хоть и не пьет, а за них радуется. Мне уж известно, что согласился он на операцию. Нашла я врача. Положила ему в карман, не скажу, сколь. А как же. Он старался и еще будет стараться. И говорит он мне: «Теперь приезжай через десять дней. Он в реанимации будет». А там хороший парень, Эдик, бежит ко мне: «Он спит, я его разбужу». Ни-ни-ни, Эдик, я по коридору похожу, пусть спит. Ему полезно. А как проснется, вы скажите мне. Смотрю, машет мне Эдик: проснулся. «Ну как ты, Миша?», — я его спрашиваю. «Ой, Тоня, — он отвечает, — знал бы — не дался. Я такого ни кошке, ни собаке не пожелаю. Забери меня домой, Тоня». «Нет, Миш, ты как хочешь, а сегодня не возьму, у меня изба холодная и покормить тебя нечем». Приехала за ним через два дня. Дал мне врач лекарств и машину, довезли нас до самого дома. Поел он щей и заснул. И как этот врач баял, так и вышло. В феврале он ему операцию сделал, а Миша в ноябре через эти шесть лет и умер. А до смерти у него на затылке большая шишка вышла. Я повезла его в больницу и белье для всякого случая чистое взяла.

— Зачем, Тоня?

— А как же, Миша, ты в дороге запыхаешься.

Он в больнице одел. Прокололи ему шишку, смотрю, веселее стал.

— Мне легче, — говорит.

Подумала я, хватит ему, навалаясь в больницах, пусть у себя дома умрет, и забрала его. Надавали мне опять всяких лекарств и морфия. Я сама ему колола.

А он уже пухнуть начал. Сосед увидел, как раз из машины Миша выходил, позавидовал. Вон, в больнице раздобрел.

(Оно и не мудрено. Те, кто считают себя здоровыми, приходят за таблеткой. Голова болит, дай таблетку. Нет, давление не меряй, ты таблетку дай, и я пойду. А в больнице лежать — не работать. Для здорового человека это баловство. Теперь все постарели. То и дело скорая стала ездить. А как едет, все живые к окошккам прилипают; смотрят со страхом, к кому это.)

И маялся он, ни кошке, ни собаке не пожелаешь. А когда есть перестал, стала я ему смертное собирать.

— Умираю я, Тоня.

— Умираешь, Миша. Сейчас ты, потом я. Обязательно.

И собирали мы при нем, не скрываясь. В последний день он веселый проснулся и поесть захотел. Я обрадовалась, налила ему бокал теплого молока. Он весь выпил. А в обед говорит: «Я, Тоня куда-то проваливаюсь, дай мне свечку скорее». Я зажгла, он взял в руки. Смотрю, свечка на бок, и голова повалилась. Я тихонько потушила свечку. И всё.

Миша умер до нашего приезда. И мы долго не знали, какие же поминки в деревне. Затем помаленьку ознакомились. Дорогу у дома, где покойник, устилают густо еловым лапником. Затем мимо нашего окна шли толпой бабки в трауре и со свечкой в руках. Вскоре из дома раздавалось пение низкими голосами, я их называла испанскими. Поминки делятся на две части: первая — моление. Я не могу эту часть называть поминанием, а именно молением. Когда была жива Надя, она вела эту первую часть. В нее входили погребальные православные молитвы, обязательно «Отче наш» и «Символ Веры», псалмы — 90-й «Живые помощи» и 99-й. Их читала громко и с выражением Галка Морозова, прямо как настоящая актриса. Если молеальницы были у баптистов, обязательно всеми дружно пелись баптистские гимны. Строгая часть молений велась стоя. Обычно она заканчивалась словами Христа из Евангелия от Матфея:

При-и-идитя ко-о-о Мне,	Во-озьми-и-и
Гой, приидитя ко Мне	Возьмите иго Мое на себя
Все тружда-а-а	И нау-у-у
Все труждающиеся	И научитесь от меня,
И обре-е-е	Ибо иго Мое бла-а-аго,
И обремененные.	Ибо иго Мое благо,
И я успо-о-о-о	А и бре-е-е
И я успокою вас.	А и бремя мое ле-е-егко.

Конечно, в церкви не так поют. Наши бабушки умудрялись молитвы и евангельские тексты петь на былинный, какой-то старинно русский манер. Затем ставились лавки и все садились. И вот тут пелись псалмы, причем Надя выкрикивала первую строчку, которую повторяли все, затем выкрикивала вторую и так далее. После псалмов пелись песни о душе, уходящей от живых. Вот одна из них:

Не унывай, не унывай, ты душа моя,
Уповай, уповай ты на Господа,
На Самого Христа на Небесного.
Уж Ты, Боже мой, Боже милостивый,
Ох, услышь печаль мою Ты великую.
Уж кого пошлешь Ты на помощь мне?
Али Ангела, аль Архангела?
Али Сам сойдешь со Владыкою?
Я твоя овца, я заблудшая,
От Твоего стада я отставшая.
Меня злой супостат все излавливает,
Кругом сети меня восстанавливает.
Уж Ты, Боже мой, Боже милостивый,
Ты спаси душу мою грешную.

**Оформ-
ление
Татьяны
Касья-
новой**

Пока сидишь и поешь, начинает слегка кружиться голова. Ощущение странное, будто затягивает в воронку и тащит тебя туда вверх вместе со всеми остальными. И будто поднимаясь вверх, мы держим душу умершего за корень, и наша задача — вырвать корень, чтобы душе легко было расстаться с землей и отправиться на небо.

Чем ближе процессия к кладбищу, тем шумнее птичья стая. Вороны, грачи, галки, сойки и мелкота — синицы, воробьи, щеглы, свиристели, — смотря по времени года, все ждут, когда начнут разносить по родным могилам конфеты да печенье. Это поминки пернатых. На кладбище, пока не опускают в могилу гроб, тоже поют. И странно слышать, как уходят в небо и пространство божественные песнопения. Это райское песнопение иногда заставляет присутствующих терять чувство места и пространства. Надя рассказывала: «Представляешь, Людмила, надо уже с кладбища уходить, а я понять не могу, где это я. Подняла глаза и вижу, надо мною яблоня, и яблоки такие красные, круглые. Я таких никогда не видывала. Рядом со мной Галя. Говорю ей, смотри, откуда эта яблоня взялась? А Галя мне: «И правда, гожие, трясти надо». Она себя натрясла, а я не посмела. Уж больно гожие, таких в жизни не бывает. А Гале спасибо, с кладбища меня вывела».

Затем все возвращаются на поминки. Они проходят очень тихо. И смысл их прямой: жизнь — живот. Тот, кто ушел, завещал оставшимся жить. В русских поминках, так же как и в русских сказках (молочные реки, кисельные берега) отражается вековая бедность. Правда, теперь стол уставляется закусками — бананами, виноградом, апельсинами. Привыкли быстро, но я помню, как наша подружка залетела к нам под застреху и нащепетала про небывальщину: апельсины, нарезанные кружочками, и кусочками нарезанные бананы. Но перед закусками святое: блины, посыпанные сахаром и политые медом, и кутья (рис с медом, изюмом, а то и орехами). Далее меню, устоявшееся десятилетиями. Щи, горячие, наваристые, с большими кусками мяса из русской печи. Щи ставят в больших металлических эмалированных мисках, и можете себе представить, они остаются пустыми. За щами подается окрошка, обязательно с рыбными томатными консервами. Колбаса сама собой. Представьте, вкусно. Затем пшенная распаренная с молоком в русской печи каша, щедро политая топленым маслом. Кто-то за столом вытирает салфеткой свою деревянную ложку (забыла сказать, что все естся деревянными ложками) и размешивает кашу с маслом. За пшенной кашей также в эмалированных мисках лапшевник (лапша, разморенная с молоком в печи). Молоко истапливается и окрашивает все в нежно-коричневый цвет. И, представьте, все это съедается. Простая еда — на поминках праздничная. Все должно наестся от живота. Последнее — тарелки с густым киселем, смородиновым или клюквенным. Он стоит в тарелках. И совсем последнее — компот. Я думаю, что компот с курагой — признак сытной жизни. Раньше с киселем подавали топленое молоко. Вот вам и молочные реки с кисельными берегами. Водку наливают хозяева, и даже пьяницы стесняются, выпивают не больше двух-трех рюмок. После компота все встают, читают «Отче наш», благодарят хозяев и тихо, благочинно выходят. Когда народ не истаял, бывало, по три стола накрывали, а столы уставляли во всю комнату и усаживали до двух-трех перемен.

Наде ведение моления досталось от матери. Когда заканчивалась работа, Надина мама садилась за стол, просила Надю открывать большую толстую тетрадь, ставила ближе к ней керосиновую лампу и

начинала диктовать. Так у Нади собрались три толстые тетради — главное ее богатство. Когда дочь забирала после смерти отца Надю в Волгоград, я решила попросить тетрадки, зная, что в городе они ей не пригодятся. Но Надя считала, что тетрадки сами по себе обладают волшебной силой. И пусть она не будет больше служить, сама себе будет читать то, что особенно на душу ложится. Надя умерла в Волгограде, когда ей минуло уже восемьдесят лет. Всю свою жизнь она мечтала лежать рядом с любимой матерью на Славецком кладбище. Но волгоградские дети, дочь и сын, решили по-своему. Надя навсегда разлучена и с мужем, и с матерью. А уж что будет с тетрадками, большой вопрос. Любимая Надина история, которую все знают по Житиям Святых, — история о святом Алексии. Мысль о терпении, о необходимости, умении терпеть жизнь была самой близкой ее сердцу. И вот эту историю об Алексии Надя всегда читала во время моления.

Сама она тридцать лет жила с ненавидящей ее за бедность свекровью. Она любила рассказывать про то, как свекровь не могла простить купленную швейную машинку. «Взял ее с голой попой, а теперь масьнючку себе купила». Когда Надя работала звеньевой, свою дочку Тоню она оставляла на свекровку. Девочка была маленькая и сидела в корзине на полу. От холода она плакала, но глухая свекровка возилась в чулане и не слышала, да и не хотела приглядывать за внучкой. Так Тоня, застудившись зимой, стала кашлять и все хирела. «Добрые» соседки советовали: «Неча ее к врачу тащить, не жилица она у тебя». Но Надя посадила Тоню на закорки и понесла в больницу. Ходу двенадцать километров. Идет она, а ей все тяжелее. Вот снимает она Тоню, и просит: «Пойди ножками, а у меня маленько руки и спина отойдут. Отдыхну и опять возьму тебя». Так они дошли до приокского села Ляхи, где была тогда больница. Взяли Тоню, посмотрели, а у нее крупозное воспаление легких. Стала Надя Тоню навевывать, носить ей мед и масло. Туда двенадцать километров пешком и обратно. «Представляешь, Люда, вытерпела, и что бы они ни говорили, а Тоня справная стала, здоровая». Надя вытерпела и несправедливость, и суровый труд. Я вспомнила ее тост, когда мы отмечали семидесятипятителетний юбилей бывшего председателя колхоза. Встала она, лицо напряглось, покраснела, по щекам потекли слезы, и прозвучали странные для тоста слова: «Живи, Федорович, будь здоров, а уж что там, в колхозной жизни было, давай забудем. Я забыла все, и ты забудь». Стало быть, терпение не лишало Надю горькой памяти и размышлений. Ее две сестры и трое детей разъехались по городам. Старший в Москву, две сестры в Волгоград и туда же средняя дочь Тоня и младший сын Миша. Почему сестра Онька уехала, не могу сказать. Только не от хорошей жизни. Устроилась она работать под Волгоградом на птичник. Делает все толково, только молчит. К ней обращаются, она молчит, спрашивают что-нибудь, опять молчит, как будто разучилась говорить. Бригадир ей попался добрый. «Ты, Оня, имя себе смени, а то Оня уж больно по-деревенски. Пусть тебя Тоней кличут. Я сам другим скажу. И начинай поменьше говорить. Не бойся, ты не одна такая. Многие, кто из деревни у нас, помалкивали сначала. Потом Онька, когда приезжала к Наде, болтала, слова не вставишь, так и сыпала будто горохом. Только слова Онькины ничего не весили. Если у деревенского слово пусть самым простым смыслом, но наполнею, то Онька не озадачивалась, что за смысл в ее жизни, а потому и слова веса не имели. Одна радость, что теперь она по-городскому может. А значит, не деревенская, а подымай выше — городская.

(Продолжение следует)

Вечерние истории

Софи Каркен

Читатели «Семьи и школы» уже могли познакомиться (в № 5 за этот год) с творчеством французской журналистки и писательницы Софи Каркен. Среди произведений писательницы, посвященных главным образом детской психологии, проблемам воспитания и семейной жизни, есть особые сборники «вечерних историй», которые взрослый читает ребенку перед сном. В этих историях действуют традиционные сказочные персонажи, иногда речь идет о детях в необычных, сказочных обстоятельствах. Но в каком бы — реальном или фантастическом — мире они ни существовали, они переживают всё то же, что обычные дети. Они боятся ночи и темноты, сорятся и мирятся с друзьями, восстают против строгости родителей, страдают от печали, застенчивости, одиночества, насмешек других или собственного плохого характера. Как помочь ребенку ответить на его вопросы, как избавить его от тревоги и страхов? Софи Каркен считает, что сказка тут гораздо уместнее, нежели непосредственное обсуждение каких-то конкретных трудностей. По выражению Софи Каркен, «вечерние истории» подобны белым камешкам, которые бросал на землю Мальчик-с-пальчик: они помогут найти правильный путь в дебрях жизни.

Публикуемые сказки взяты на этот раз из книги «Сто вечерних историй». Перевела их И. Дмоховская (Париж).

Забастовка песочных человечков

В этот день на Луне состоялся внеочередной конгресс песочных человечков (ты знаешь: они бросают волшебный песок в глаза детям, чтобы те поскорее засыпали). Песочных человечков собралось пятьсот, тысяча, а может, и больше, и все в гневе потрясали кулаками. Почему? Дети не хотели засыпать!

— Мы не можем работать по специальности, — сказал первый оратор.

— Дети нас не слушаются, — добавил второй. — Сколько времени проходит, пока они заснут!

— Иногда два или три часа, — пробурчал третий.

«Дети с нами не считаются, мы им не указ», — звучало с обеих сторон Луны.

Начальник песочных человечков взял микрофон: «Друзья, подведем

итоги. Раньше существовал Плюшевый Медведь, верный союзник, облегчавший нашу работу. С ним дети охотно ложились в постель. Но где теперь Плюшевый Медведь? Он исчез, и что его заменило? Компьютерные игры, цифровое телевидение, всякие диски!»

В публике засвистели.

— К тому же и папы возвращаются поздно, — продолжал оратор. — И начинают играть с детьми в двадцать часов тридцать минут!

— Да, — выкрикнул кто-то из толпы. — Мы ведь приходим как раз в это время. И что тут бывает...

— Совершенно верно, — поддержал его другой. — Надо вернуть себе власть. Мы всегда были королями ночи и снова станем королями!

— Ура! Здорово сказано! — завопили все собравшиеся.

— У меня идея, — сказал начальник. — С сегодняшнего вечера мы начнем забастовку. Бессрочную. Несколько недель не будем сыпать детям в глаза волшебный песок. Тут-то они и поймут, как им нас не хватает.

Итак, песочные человечки решили прекратить работу. Каждый бросил в воздух пригоршню песка, и на небе появились красивые золотые буквы. Вот какие фразы они составили:

«Песочные человечки в гневе!»

«Компьютеры и телевизоры — это нечестная конкуренция!»

«Родители, кладите детей спать пораньше!»

«Не саботируйте нашу работу!»

И песочные человечки с негодующим видом уселись, скрестив руки.

Дети прочли надписи в небе и запрыгали от радости. Песочные человечки бастуют, какая удача! Раньше усталые родители заставляли детей ложиться, едва прочитав им несколько строк из книги. Приходилось бросать игру на середине, прятать игрушки в постели. Теперь со всем этим покончено, можно играть всю ночь!

В первые три дня забастовки на Земле творился кавардак. Всюду стоял шум и гром от бесконечных праздников. На них пригласили летучих мышей (и те съели все конфеты). Светлячки устроили иллюминацию, а жабы заводили веселые песни.

На восьмой день все почувствовали страшную усталость. У детей круги под глазами протянулись до самого подбородка. Дети стали худеть. Ведь днем они так зевали, что не могли как следует прожевывать пищу. Некоторые превратились в летучих мышей и повисли на деревьях вниз головой. Все, все очень устали. Учительницы в школах ничего не говорили, а только зевали. Кошки перестали ловить мышей. Собаки, принеся хозяину мячик, сваливались и засыпали. Измученные дома не открывали и не закрывали двери. Трубы едва выплевывали дым. Почки на деревьях отказывались распускаться, а листья — падать... Словом, все на Земле встало с ног на голову, и в каждом уголке планеты слышны были одни зевки. Зевали птицы, тигры, муравьи, блохи, и все это сливалось в жуткую какофонию. Но главное — дети не могли больше играть и веселиться. Какой смысл не спать, если ты только и способен, что зевать не переставая?

На следующий день дети сочинили такое послание (До востребования, Луна, п/я 22 222 333):

«Глубокоуважаемые господа, будьте так любезны, вернитесь на Землю.

Вы с вашим волшебным песком нам очень нужны.

У нас тут все пошло кувырком. Мы примем любые ваши условия и обязательно постараемся спать,

твердо обещаем.

Примите, господа песочные человечки,

уверения в нашем совершеннейшем почтении.

P.S. Может, вы вернетесь прямо сегодня?

Обещаем, что будем вести себя благодарно».

Получив это письмо, песочные человечки запрыгали от радости и начали танцевать жигу. Ведь им самим было ужасно скучно. Что делать песочным человечкам, если никто не хочет спать?

С тех пор они приходят каждый вечер, и все их слушаются. От волшебного песка у детей слипаются глаза, и папы с мамами уходят на цыпочках. Шш, песочный человечек пришел, чтобы тебе сладко спалось. Он такой добрый и симпатичный, не заставляй его ждать. И потом, спать так приятно...

Призрачонок, боявшийся ночи

Бом, бом, бом... бьют огромные стальные часы. Наступила полночь, время привидений и вампиров. Повсюду в замках дети-привидения готовятся в путь. Мама-привидение легонько встряхивает простыню младшего сына: «За работу, лапочка!». Призрачонок тяжело вздыхает. Он так не любит ночь! У него всегда есть предлог, чтобы остаться дома. «Меня продуло сквозняком», или «Под этой простыней мне холодно», или «У меня жуткий привиденческий насморк». Но мама отвечает: «Ну-ну, никаких разговоров. Ты не станешь взрослым привидением, если не научишься вставать ровно в полночь».

По правде сказать, Призрачонок боялся темноты. Несколько странно для привидения, правда? Как летать по замку, если ты только и жмешься к стенам и клацаешь зубами от страха? «Ночью ничего не видно», — ныл Призрачонок. Чего только ему не мерещилось! Где-то маякала кошка, а Призрачонку слышался рев тигра. Кто там на чердаке — крысы? Нет, это полк разъяренных солдат. Для привидения у Призрачонка была чересчур богатая фантазия, слишком много историй в голове, слишком много невидимых врагов. Он думал, что все его страхи порождены темнотой, и потому требовал ночник. «Ладно», — вздохнула мама. Она вышла на его простыню тысячу (или даже больше) светящихся червячков, которые ярко блестели во мраке. Заметив Призрачонка, другие привидения громко хохотали, а ночные бабочки потирали крылья (что заменяет им веселый смех).

Призрачонок, умирая от страха, сбросил свою простыню-ночник и хотел ухватиться за мамину простыню. Но мама не позволила. «Не может быть и речи! Ты никогда не избавишься от боязни, если будешь цепляться за мою простыню».

Устав от спора, Призрачонок забился в доспехи Ланцелота, самого храброго из рыцарей. А в шлеме Ланцелота давным-давно жил Филемон, огромный столетний филин. «Почему ты прячешься?» — спросил Филемон. «Я не люблю ночь», — захныкал Призрачонок. Филемон удивился: как можно не любить ночь? Филины восхищаются ночью, спокойной и нежной, как шелк.

— Ну что ты, — сказал Филемон, и его басовитый голос прозвучал на удивление мягко. — Знаешь, ночь очень добрая, она греет сердце. Стоит только закрыть глаза, как все становится еще прекраснее, чем на самом деле. В голове у тебя тяжелые мысли,

а ты постарайся думать о чем-нибудь приятном.

Прищурив круглые желтые глаза, Филемон поразмыслил немного и добавил: «Ты любишь чудесные сны, от которых становится тепло на сердце и хочется улыбаться?» — «Еще как люблю», — всхлипнул Призрачонок. «Но ведь только благодаря ночи мы можем видеть прекрасные сны». — «А откуда берутся сны?» — «Их приносят песочные человечки вместе с волшебным песком, который бросают в глаза детям, чтобы те скорее засыпали. Красивые цветные сны!»

Призрачонок вздохнул. Если бы ему стать песочным человечком! Он бросал бы в темноту пригоршни снов, вместо того чтобы выть «У-у-у!» и изображать страхолюдного идиота.

Филемон моргнул желтыми глазами. «Послушай... Говорят, что в замке ищут песочного человечка. Нынешний, с бородой, длинной, как твоя простыня, через месяц уходит на пенсию. Может, хочешь поступить на его место?» Призрачонок запрыгал от радости.

Вот так Призрачонок сменил свою простыню на темно-синий костюм, сливавшийся с темнотой. Прочь черные мысли! Призрачонок оказался самым талантливым песочным человечком во Вселенной. Еще бы: ему было чем поделиться, он знал столько интересных историй, в голове у него толпилось столько веселых выдумок. Призрачонок полюбил ночь. А дети, как только замечали его, говорили мамам: «Все, теперь я сплю. Призрачонок идет».

И знаешь, чем все кончилось? Говорят, что в замках больше нет привидений. Все они переквалифицировались в песочных человечков!

Продавец кошмаров

Жил-был один уличный торговец. Знаешь, что он продавал? Кошмары! Он ездил в фургоне от деревни к деревне, останавливался на площади и, сложив ладони रुपором, кричал: «Кому кошмаров? Великолепных, замечательных кошмаров!» Надо сказать, что у него был очень богатый выбор страшных, ужасных, повергающих в шок, сносшибательных кошмаров. Всё, чтобы вопить, рыдать и биться головой об стенку!

— Сегодня, — кричал он, — у меня имеется пара прелестных желтых глаз, красный омар с чудовищными клешнями, ухмылка жаждущего крови вампира, оскал мурены, кинжалнозубый тиранозавр, гигантский петух с когтями, как мечи. Продаются недорого кошмары без химических добавок, стопроцентно натуральные, высшего качества!

Но никто у него не покупал. Разве что какие-нибудь сорванцы и хулиганы, захотевшие подшутить над приятелями.

Время от времени торговец устроивал распродажи. «Сегодня все кошмары за полцены. Исключительно удачная сделка! Три кошмара по цене двух. И в придачу бесплатно музыка. Вальс, который скрипит и вихляется, скрипит и вихляется, а потом переходит в какофонию. Что может быть лучше!»

Но, увы, несчастный не пользовался успехом. Едва он, мертвенно-бледный, с синими губами, появлялся в своем черном скрежещущем фургоне на деревенской площади, как все вокруг разбегались. «Спасибо, держите свои кошмары при себе».

«На помощь, он опять здесь!»

Но как-то к фургону подошел невысокий человечек со светлыми волосами и румяными щеками. Внимательно выслушав торговца, он широко открыл большую кожаную сумку. «Мне, пожалуйста, два оскала мурены, трех злобно хохочущих ведьм и кило кровожадных пираний». — «Еще что-нибудь?» — радостно спросил продавец. «Пожалуй, возьму гигантского людоеда, счет в десять цифр, полдюжины волосатых пупырчатых пауков, вооруженное нападение с похищением детей, ну и еще бездну, куда падают с высоты тридцати метров». — «За такую большую покупку вам полагается премия, — сказал торговец. — Что желаете — скрипящий вальс или кровожадного динозавра?» — «Кровожадного динозавра», — ответил человечек мелодичным голосом.

Все кругом удивлялись. Что он будет делать со всеми этими кошмарами? Он кажется таким эгоистичным и счастливым, у него ангельская улыбка...

Но больше всех удивлен торговец. Непременно нужно выяснить, в чем дело. Он тайком отправился вслед за странным человечком. Тот бежал быстро-быстро, словно летел. Через несколько километров появился небольшой домик. В нем не было двери, зато над входом красовалась вывеска «Мастерская по производству приятных сновидений, переработке кошмаров и починке надежд». Продавец, очень заинтересовавшись, спрятался за облаком и стал наблюдать. Какие чудеса он увидел! Человечек вытащил из сумки противно хихикающую старую ведьму. Он ухватил ее за ноги — раз-два! — сложил вчетверо (вместе с бородавкой) и засунул в машину для выжимки кошмаров. Через две минуты ведьма вышла на свет — кожа у нее стала как у молодой девушки. Утюжком в форме облака человечек прогладил ее крючковатый нос, превратив его в прелестный маленький носик. Потом человечек старательно протер ее специальной мягкой тряпочкой, и вся она стала тоже такой мягкой и нежной, что хоте-

лось ее расцеловать. Потом человек открыл перед колдуньей дверцы огромного гардероба. И какой сюрприз — она вышла оттуда в прекрасном платье розового шелка и с золотой волшебной палочкой в руках. Не злая колдунья, а изысканная фея!

Чтобы превратить безобразный кошмар в чудесное сновидение, только и нужно, что мягкую тряпочку или плюшевую игрушку, мирный сон, тихую музыку и несколько утюгов для разглаживания ужасов.

Человек быстро расправился с остальными кошмарами. Людоед стал величавым седобородым королем, злобная мурена — быстрой веселой рыбкой, двенадцатиметровый динозавр — высоким дубом. Желтые глаза страшного волка подобрили, и он послушно лег у ног человека.

Ты никогда не догадаешься, что произошло потом. Торговец, тронутый тем, что увидел, отдал человеку весь свой запас кошмаров. Говорят, что вдвоем они наработали массу счастливых снов и теперь торгуют ими, разъезжая по деревням в облачном фургоне. Они продают улыбки младенцев и клоунов, ласки мам и аромат шоколадного пирога, путешествия в космос и шутки в тридцать метров длиной. И, конечно, их товары пользуются огромным успехом.

Кошмары, хоть и кажутся страшными, на самом деле очень хрупкие. Они не выдерживают стирки при температуре 160 градусов и горячего утюга. Они не любят, когда их трут мягкой тряпочкой, смоченной в туалетной воде. Поэтому и бояться их нечего!

Как убивают чудовищ

Жюльен очень расстроен. Сейчас каникулы, и он гостит у бабушки в Бретани. Только что Жюльен сделал огромную, ужасную глупость. Он бушевал, рыдал, топал ногами, вопил во все горло. А сейчас лежит, растянувшись на постели, и ему тошно. Он сердится — на кого? Жюльен и сам не знает. Наверно, на себя. В комнату входит бабушка. Она улыбается, и в руках у нее странная маленькая книжечка в пыльной обложке, зеленой, как шкура дракона. Бабушка читает заглавие: «Руководство по уничтожению чудовищ».

Глаза у бабушки блестят. Она шепчет: «Мой дедушка, а твой пра-прадедушка охотился на чудовищ и многих убил. Только это секрет, никому не говори, ладно? Когда я была маленькая, дедушка научил меня убивать чудовищ. Пришло время передать эту тайну тебе». Теперь и у Жюльена заблестели глаза. Бабушка осторожно листает тонкие, как кружево, страницы книжки.

Глава 1. Как распознать чудовище

— Дедушка говорил, что чудовища живут не в лесах, не в парках, вообще не во внешнем мире. Чудовища живут внутри нас. Чаще всего они дремлют, но по малейшему поводу — хоп! — выскакивают наружу и начинают вопить и безобразничать. Прежде всего нужно научиться их узнавать. Вот какой список составил дедушка:

Чудовище Страх. Оно зеленовато-го цвета, еле держится на ногах, у него огромные зубы, и он беспрерывно ими клацает. Его можно встретить во время грозы, когда грохочет гром и сверкают молнии, на корабле в бурю, в горах, если нужно перепрыгнуть через расщелину, или ночью в лесу.

Чудовище Тревога. Спина у него согнута, в горле комок, в голове черным-черно. Тревога иногда приходит ночью, когда ты один в комнате, и превращает приятные сны в кошмары. А еще когда ты томишься от одиночества, скучаешь или просто так.

Чудовище Гнев. Он многоцветный — красный, желтый, зеленый, синий, а глаза у него мечут молнии. Настоящий дракон! Он выскакивает по любому поводу: если приятель заберет у тебя игрушку, если родители не выполнят обещания, а иногда просто потому, что ты не выпался...

Чудовище Каприз. Он ярко-розовый и плачет, как младенец. Я думаю, что он кормится из бутылочки и делает пипи в постель, — добавила бабушка шепотом.

Чудовище Грусть. У него всегда тяжело на сердце, а в глазах вечно слезы. С Грустью встречаются, когда расстаются с другом, уезжают далеко от дома или прощаются с родителями. Или — бабушка понизила голос — когда кто-нибудь умирает.

Чудовище Зависть. Глаза у него так и рыщут повсюду, а руки огромные, чтобы схватить все, что ни есть кругом. Это чудовище хотело бы стать Гневом или Капризом, кем угодно, только бы не оставаться самим собой. Бедную Зависть можно только пожалеть, — уж очень она себя не любит...

Бабушка остановилась и спросила: — Может, ты знаешь каких-нибудь других чудовищ?»

Жюльен подумал.

— Есть еще чудовище Скука.

— Верно, — воскликнула бабушка, — как я могла забыть! Скука серого цвета и обычно сидит, скрючившись в своем углу. Иногда она превращается в Тревогу или в Каприз. А ты с ней хорошо знаком?

— Да, — вздохнул Жюльен.

У него не было ни братьев, ни сестер, и он иногда не знал, чем себя занять.

— Ну что ж, теперь послушай, как убивать всех этих чудовищ, — продолжила бабушка.

Глава 2. Как уменьшить чудовище до размеров пылинки

— Чудовищу вовсе не нужно отрубать голову. Единственный способ с ним расправиться — уменьшать его и уменьшать, пока оно не превратится в пыль. Для этого первым делом надо посмотреть ему прямо в глаза, потом улыбнуться, а еще лучше засмеяться и, наконец, заговорить, но только очень мягко и спокойно. Если ты повысишь голос, чудовище свернется в клубок, как еж, и у тебя ничего не получится.

Нужно ему сказать: «Дорогой месье Каприз, я знаю, ты пришел мне надоедать. Но, сам видишь, я вооружен мечом и тебе меня не победить».

Если ты правильно все сделаешь, чудовище тут же начнет уменьшаться в размерах, как лопнувшая шина, и скоро от него ничего не останется. И знай, что чем ты будешь становиться старше, тем легче тебе будет справляться с чудовищами. Другими словами: пока ты маленький, это бывает трудно. А взрослые более хладнокровны, им проще уничтожать чудовищ. Особенно под старость...

— Ах, так? — удивился Жюльен — Значит, у тебя, бабушка, совсем нет чудовищ?

— Само собой, есть, — возразила бабушка, — но я их не подпускаю. — Бабушка сделала вид, что вынимает из ножен меч. — Пусть только сунутся!

Бабушка замолчала. Но, оказываясь, это был еще не конец, оставалась последняя глава.

Глава 3. Возвращение чудовищ

— Если ты убьешь чудовище, не думай, что победил его навсегда. Это было бы слишком легко! Чудовище всегда может вернуться. Например, ты увидел в витрине чудесный голубой игрушечный поезд. Чудовище Зависть тут как тут! Ты оказался один в парке, где другие дети заняты незнакомой игрой? Сейчас же в тебе зашевелится чудовище Грусть. Перед ужином захотелось конфет? Это высунуло нос противное чудовище Каприз.

Бабушка понизила голос.

— Помни, что чудовища часто возвращаются. И всякий раз ты должен стараться их убить. Быть настоящим рыцарем и всегда, всегда иметь при себе меч, хоть его и тяжело носить. И не забывай говорить: «Привет, чудовище! Возвращайся к себе, я не хочу тебя видеть».

Бабушка бережно закрыла книжку.

— Вот все, что рассказал мне дедушка. Теперь ты знаешь, как поступать с чудовищами?

Жюльен радостно закивал головой. Решено, он начинает охотиться на чудовищ. И станет самым великим охотником, какого только знала Земля!

Фрида Вигдорова

Девочки (дневник матери)

Журнал начинает публикацию книги Фриды Вигдоровой «Девочки (дневник матери)». Судьба этой книги станет ясна читателю из предисловия, написанного дочерью автора А. Раскиной, которая и подготовила к печати эту журнальную публикацию.

Моя мать, Фрида Абрамовна Вигдорова (1915–1965), была педагогом, журналистом, писателем, автором книг «Мой класс» (1949) о первых шагах молодой учительницы, трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка» (1954–1959) о детском доме и дилогии «Семейное счастье»,

«Любимая улица» (1962–1964), где с одним из героев она поделилась собственной журналистской судьбой. Тема воспитания детей, подростков была главной (но не единственной) темой ее книг и статей. При жизни Ф. А. вышло несколько сборников ее статей, которые, в отличие от книг, никогда потом не переиздавались, так что нынешнее поколение знает Вигдорову-публициста только по ее записи 1964 года двух судов над Бродским (на обоих судах она была с начала до конца), которая распространялась в самиздате, попала за границу, побудила к действию целую армию защитников Бродского и в конце концов помогла молодому поэту, приговоренному за «тунеядство» к 5 годам подневольного труда в северной деревне, вернуться в Ленинград через полтора года.

Запись эта была опубликована в России только в 1988 году («Огонек», № 49) с предисловием Лидии Корнеевны Чуковской; теперь ее можно найти на множестве интернетских сайтов, и редкая статья или книга о Бродском обходится без того, чтоб ее процитировать. Часто эту запись ошибочно называют стенограммой. Фрида Абрамовна стенографии не знала. Ее искусство было в другом. Всю свою жизнь она вела журналистские блокноты, где часто делала записи по памяти (это было в домагнитофонную эру), бывало, что блокнот приходилось убирать подальше, чтоб не спугнуть собеседника или чтобы он не «работал» на корреспондента, — а уж потом, по горячим следам, записывать. Потому-то ей удалось многое из суда над Бродским воспроизвести по памяти после того, как судья запретила ей записывать: журналистская хватка помогла. Конечно, тут дело не только в том, чтоб запомнить, одной памяти мало. Л. К. Чуковская в послесловии к одной из книг Ф. А. пишет о ее журналистских записях: «То, что сделаны они на лету, не помешало им: они вполне точны и вполне завершены. И достоверность, точность, которая составляет их прелесть и силу, — не стенографическая, а самая драгоценная на свете: художническая».

Среди блокнотов с записями Ф. А. особняком стоят ее материнские дневники, которые она вела о моей старшей сестре Гале и обо мне.

Галя родилась в 1937 году. Тогда Ф. А. и начала вести дневник (в общей тетради), а кончила в 1955 году. Всего общих тетрадей восемь. Есть еще девятая тетрадка, где Ф. А. сделала несколько записей постфактум: не про

все она могла писать в дооттепленные годы. Дневники эти она давала читать друзьям. Корней Иванович Чуковский упоминает их в «От двух до пяти» и кое-что оттуда цитирует. Ф. А. с 50-х годов хотела опубликовать в том или ином виде эти записи. Подготовила полудокументальную выжимку из них под названием «Маша и Катя» для третьего тома альманаха «Литературная Москва», но, как известно, том этот зарубили, и он не вышел.

Так дневнички и остались неопубликованными. Ф. А. говорила Л. К. Чуковской: «Лидия Корнеевна, дневнички — вам!» — имея в виду, что если она сама не успеет, то подготовить их к публикации она поручает Л. К. Ф. А. умерла 7 августа 1965 года, и вскоре Л. К. взялась за подготовку. В 1967 году издательство «Просвещение» заключило с нами договор, и уже в апреле 1968 года Л. К. работу закончила, назвала дневнички «Девочки (дневник матери)» и сдала в издательство. Интересно следующее. Как я уже отмечала, Ф. А. не могла всё, что говорилось дома, доверить бумаге в сталинские, да и первые послесталинские годы. Но даже и того, что она позволяла себе записывать (особенно постфактум), Л. К. все-таки целиком не могла в 1968 году предложить издательству, какие-то записи пришлось опустить. Хотя ничего «антисоветского» в дневничках не было. И вот даже такая рукопись не была принята издательством к печати. Сдав ее в издательство 12 апреля 1968 года, Л. К. записала в своем дневнике: «У меня надежды на выход этой книги, да еще в этом, темнейшем, изд-стве, да еще сейчас, — нету никакой. Уж очень она очаровательная, домашняя, талантливая. Но мой долг исполнен». Вскоре Л. К. прислали письмо, в котором говорилось, что «ввиду реорганизации изд-ва «Просвещение» рукопись к печати не может быть принята», и на этом дело кончилось. Скорее всего, сыграло роль и то, что обе — и Ф. А., и Л. К. — были «неблагонадежными» с точки зрения властей. Ф. А. попала в опалу еще в 1964 году — за распространение записи судов над Бродским, а Л. К. в 1966 году из-за ее открытого письма Шолохову.

Так с тех пор рукопись и не была напечатана. Предлагая читателю ее сокращенный (журнальный) вариант, я вставила несколько записей, которые Л. К. вынуждена была опустить, отредактировала примечания, добавила несколько новых, исправила некоторые нестыковки и т. п.

А. Раскина

**Публикация дневников открывается записью
о начале войны. Гале Кулаковской 4 года 7 месяцев.**

23 октября 41.

22-го июня застало Гаю в Выборге, откуда Валентина Николаевна вывезла ее с большим трудом. В Ленинграде ее ожидала я, попавшая в Ленинград случайно, по дороге из Петро-заводска в Москву.

1 июля нам удалось с Галей выехать в Москву, затем мы ненадолго отправили Гаю в Солнцево к родным. Там она бегала босиком, в трусиках и панамке — загорелая, румяная, круглолицая. 7 июля беднягу отправили в Васильсурск [1], откуда приходили лучезарные письма, что не помешало ей переболеть скарлатиной. В середине августа я поехала за ней в Васильсурск и нашла ее — худую, бледную, остриженную. Мы молча обнялись, у меня закапали слезы.

— Мама плачет, мама обиделась, — закричали дети.

Галя повернулась к ним и серьезно ответила:

— Это от радости.

Потом она стала ходить за мной по пятам, пугаясь, если я на время отлучалась, ночью протягивая руку, чтоб удостовериться — тут ли я.

В Горьком, где Галя заболела свинкой, нам пришлось прожить три дня. Я была вынуждена оставлять Галку на несколько часов одну: я бегала на рынок, на вокзал за билетами. Дочка сидела в кровати — тихая, смиренная, играя с куклами.

Буквы — несмотря на то, что их с ней никто не повторял, — помнит и читает легкие слова: мама, папа, Шура, суп и т. д.

Стрехом пополам добрались мы до Москвы. Тут Галя выдержала карантин и 1 октября отправилась с Зоей [2] в Ташкент к бабушке Соне. Больше ничего пока о ней не знаю.

30 ноября 41. Ташкент.

После Васильурска изголодавшаяся Галка ела с аппетитом, который ей никогда не был присущ. О еде она говорила почти со страстью, свой день она начинала словами:

— Мама, дай мне кашечку с маслицем, с сахарком.

И в голосе — упоение, восторг, нежность. В Ташкенте, переболев воспалением почечных лоханок, Галя заболела корью. Вызванный на дом врач, выслушав дочку, с удивлением воскликнул:

— Ну, и тощай же она у вас.

И действительно — очень худая стала.

*

— Галя, тебе от папы-Шуры письмо!

Галя, радостно:

— Я так и знала! В чае была чайнка и все сказали: будет письмо! Вот оно и пришло!

На днях спросила задумчиво:

— А папа Шура меня любит?

— Конечно.

— А я думала, он меня забыл...

Все болеет. Совсем ослабела.

Под Галкину диктовку отправлена Шура открытка следующего содержания:

«Милый папа Шура, я хочу, чтоб ты из армии опять пришел домой. Я по тебе скучаю. Когда ты приедешь, привези мне чего-нибудь».

4 декабря 41.

Перед отъездом в Ташкент вдруг спросила:

— А как родятся дети и откуда они появляются?

— Зачем тебе это знать?

— Как же, я приеду в Ташкент, меня там спросят, а я не сумею ответить.

Потихоньку эту острую тему удалось замять.

*

На днях, когда температура отпустила ее немножко, брала по одной свои книжки и читала их все наизусть, без запинки, подряд: Михалкова, Маршака, Чуковского, Барто и другие.

Сегодня очень мучается из-за уха.

5 декабря 41.

Чувствует себя прескверно, болят уши, температура 39 и 6, но разговаривает, рассуждает, шутит:

— Гоголевская улица это, наверное, та, на которой продается гоголь-моголь?

И хитро улыбается.

7 декабря 41.

— Я всех люблю. Не люблю только Гитлера и Бармалея!

— Я тебя, мама, люблю, я жить без тебя не могу. И ты без меня не можешь, да?

*

Вымыв руки одеколоном:

— Какая я нюхлая, пахлая!

Если б она умела хорошо читать, ее можно было бы запозорить в плагиате [3].

*

— Ты знаешь, мама, почему я положила голову к тебе на колени? Чтоб ты не плакала.

16 декабря 41.

Письмо папе Шура: «Дорогой папа, ты спрашивал, как я ем. Я ем очень хорошо. Ушки у меня не растут, как они могут расти, когда они так болят. Я поживаю хорошо. (Он ведь спрашивал, как я поживаю). Может, попадет в чай чайнка, и я еще получу много писем. Ну, чего еще писать? Чтоб привез заводную игрушку».

21 декабря 41.

Началась полоса безудержного кокетства:

— Что это мне надевают черный сарафан, черный галстук, черный передник — тут нет вкуса!

**Краткие биографические сведения
о героях этой рукописи**

Отец Фриды Абрамовны Абрам Григорьевич Вигдоров (1886–1960) был педагогом, мать Софья Борисовна (1889–1968) — фельдшерницей. Ф. А. и ее брат Исаак Абрамович Вигдоров (1919–1968), будущий военный летчик, росли в дружном и гостеприимном доме. Семнадцати лет Ф. А. уехала учительницей в Магнитогорск. В середине 30-х она вернулась в Москву вместе с Александром Иосифовичем Кулаковским (1912–1942), тоже учителем. Вскоре они поженились, и в 1937 году у них родилась дочь Галя; в том же году они оба кончили педагогический институт. Тогда же Ф. А. начала свою журна-

листскую деятельность. Перед войной молодая семья распалась, но родители Гали остались друзьями. А. И. Кулаковский погиб на фронте 7 марта 1942 года. С его матерью Валентиной Николаевной Черемшанской («бабушкой Валей») Ф. А. сохранила самые теплые отношения до конца своей жизни.

В самом начале войны Ф. А. вышла замуж за писателя Александра Борисовича Раскина. В эвакуацию в Ташкент она поехала с семьей, уже ожидая второго ребенка. Саша родилась в 1942 году. В эвакуации Ф. А. работала специальным корреспондентом «Правды».

А. Б. Раскин (1914–1971) — автор нескольких книг литературных пародий и эпиграмм (до войны — совмест-

но с М. Слободским). Среди послевоенных книг упомянем «Очерки и почерки» (1959 и 1962), а также книгу рассказов для детей «Как папа был маленьким» (1961–1965), которая переиздается и в наши дни. По пьесе А. Раскина и М. Слободского «Звезда экрана» был поставлен фильм «Весна» (1947).

Галина Александровна Кулаковская (1937–1974), в замужестве Киселева, преподавала в школе физику. Две ее дочери живут в Москве.

Александра Александровна Раскина (1942) — по образованию лингвист, в настоящее время живет с семьей в США, в городе Новый Орлеан, и преподает русский язык и литературу в университете Тулейн.

Или, смотря в зеркало, самодовольно заявляет:

— Нос действительно картошкой, зато есть ямочка на щеке и глаза хорошие!

Или:

— Вырасту большая, буду красить губы, как тетя Катя.

— Зачем?

— Чтоб красивее было. И глазки накрашу, и щечки, и спинку, и животик.

— А живот-то зачем? Не видно ведь?

— Разденусь — увидят.

*

— У тебя глазок ласковый и блестит.

19 февраля 42.

Ни секунды не сидит на месте. Даже сидя на стуле во время еды — все время ерзает, покачивается.

На днях перевязала себе ноги (связала их) и прыгала вокруг стола до тех пор, пока не упала. Заплакала не от боли, а потому что кругом засмеялись.

Шутку понимает, но насмешки не терпит. Упрямая. Плохо слушается домашних. Меня слушает, но может быть, потому, что я бываю на Паркентской [4] больше в качестве гостыи. Бредит детским садом, мечтает о нем — видимо, очень скучает без сверстников.

*

На днях сказала Ивану Федоровичу, соседу, сурово:

— Я не хочу с тобой здороваться, зачем ты на меня кричал?

— Я шутил.

— Не люблю я таких шуток.

*

Галя читает в книге «Приключения Нильса»: «Жбил был на свете мальчик Нильс».

— Не «жбил», а «жил», — поправляю я.

— Тогда после «ж» должно стоять «ы», — говорит Галя.

Замечание тонкое, указывающее на наследственную лингвистическую одаренность. Это у нее от отца.

*

В Фергану [5] мне писали мама и Шура [А. Б. Раскин. — А. Р.]. Из Шуриного письма от 1 янв.:

«Галка прослышала, что новый год как-то “встречают”. Это ее очень заинтересовало.

— А ты будешь встречать? А как встречают? — И т. д.

Я купил ей елочных игрушек и домашнюю игру, пленившую меня названием “Наши мамы”. Игра простая — карточки с мамами: мамы — инженер, учительница, повар и т. д. плюс карточки с орудиями производства: глобус, мясорубка и прочее. Каждой маме надо найти ее орудие. Галка очень увлеклась игрой и быстро ориентировалась. Даже мама-трактористка усвоена. Мы играли весь вечер. Я отучаю ее целоваться, признаваться в страстной любви и брать соль руками. Поражает запас слов. Взрослые обороты речи:

— У тебя новые очки, или это были *запасные*?

— Я всех люблю, даже *тебя* (сегодня — *себя*).

— У меня было *осложнение* среднего уха.

Играя в «мам», осознала, что у всех людей есть профессии.

Ты — учительница и журналист. Я — литератор (пишу книжки). Мама Соня [6] — фельдшерица. Очень заинтересовалась. Хорошая девочка. Но упряма — дико и целуется, как пулемет».

22 февраля 42.

«Однажды в студеную зимнюю пору», — читает с выражением Галя, выделяет прямую речь — несомненно хорошо понимает читаемое. И вдруг, произнося слова «да два человека всего мужиков-то: отец мой да я», объяснила:

— Это лошадь говорит.

Все ужаснулись и наперебой стали толковать, что она ошибается: разве лошадь может разговаривать? Разве лошадь может сказать о себе «мужиков нас двое» — ведь лошадь не человек?

На это Галя нерешительно возразила:

— Но лошадь ведь тоже — мужчина.

16 марта 42.

Галиной маме исполнилось 27 лет.

— Мама, кто такой ветеринар?

— Доктор, который лечит животных: телят, поросят, собак...

— И он тоже ходит на четырех лапах?

26 марта 42.

Гале исполнилось 5 лет.

В день своего пятилетия встала очень рано и обнаружила рядом с постелью кукольную кроватку с подушками, простыней, одеялом. Выбежав в соседнюю комнату, увидела на столе чайный сервиз и чашку с конфетами и изюмом — подарок Екатерины Семеновны и Ивана Ивановича.

От возбуждения не могла завтракать, разглядывала подарки и ждала меня.

После полудня вышла на крыльцо, села на стул и, положив ногу на ногу, задумалась.

В таком именно состоянии застали ее мы. Увидев нас, она вскочила, против обыкновения не улыбнулась, не поздоровалась, а воскликнула каким-то сомнамбулическим голосом: «Я сегодня именинница!», — после чего получила грабли, лопату, прыгалку и прочее. Вера принесла пряничного зайца:

— Посмотри, — кричала Галя восторженно. — Заяц с усами!

За обедом выпила рюмку вина, разругалась и несколько пьяным голосом стала напевать какой-то мотив. Пыталась вновь и вновь рассказывать об игрушках, полученных в подарок, и в заключение угостила всех своим изюмом.

Затем сердечно прощалась с немногочисленными гостями, а целуя меня — расплакалась. Тем день рождения в эвакуации и закончился.

Галя с бабушкой Валентиной Николаевной.
Предвоенное фото

28 марта 42.

Вчера ходили в баню — две мамы и Галка. Все было хорошо. Но вот, перед лицом уходящего трамвая, Галя вдруг повернулась и побежала назад — поцеловать меня на прощание. Трамвай между тем ушел. Никто не оценил Галиного душевного порыва, и обе мамы страшно раскричались.

Следующий трамвай был переполнен, и сесть не удалось. Третий трамвай был переполнен и сесть не удалось. С четвертым случилось то же самое.

С каждым уходящим трамваем мамы свирепели и кричали на Галю все громче. Галя молчала, ни слова в ответ не выронила и все старалась глядеть в сторону. И только один раз не выдержала и, прижавшись ко мне, всхлипнула разок-другой. И снова умолкла.

29 марта 42.

— Мама, можно я пойду к знакомой девочке?

— Я пришла к тебе, а ты уходишь, — как же так?

— А ты вспомни — когда ты была маленькая, тебе разве интересно было все время сидеть со взрослыми?

31 марта 42.

Проходим мимо слепого нищего:

— Что ж ему никто не подает? Даже мы! Мы ведь не жадные? Или денег у тебя нет?

16 апреля 42.

— Почему у тебя толстенький животик?

— Там твой братишка.

Буря восторгов. Никаких дополнительных вопросов, кроме одного: «Когда он появится?».

— Только, — добавляю я, — это наш с тобой секрет. Ни у кого об этом не спрашивай, никому не рассказывай, где он. Хорошо?

— Хорошо.

В трамвае едет маленький мальчик. Галя смотрит на него задумчиво и говорит:

— И у меня скоро будет маленький братишка.

— А где твоя мама возьмет его? — спрашивает глупая трамвайная пассажирка.

У мамы Сони холодеет сердце, она с ужасом ждет громкого, на весь вагон, объяснения. Но Галя твердо помнит мою просьбу: отвернувшись, она сухо и строго отвечает:

— Уж где-нибудь достанет. Купит, вероятно.

*

— Мама, а ты тут после моего ухода не плачешь?

*

— Ты, мама, не только хорошая... Ты моя любимая.

18 апреля 42.

Приходя ко мне в гости, ведет себя заговорщически: лукаво поглядывая, фамильярно, но осторожно похлопывает по животу, словно желая сказать:

— Никто ничего не знает, только мы с тобой, да?

23 апреля 42.

Мечтательно:

— Сливочное масло... которое я так люблю... которое так дорого стоит... которое так редко покупают...

29 апреля 42.

На днях я мастерила Гале тетрадку. Галя уселась и стала по образцу выписывать палочки, кружочки. Писала усердно, высывая по временам язык, ежеминутно спрашивая:

— Так? Хорошо?

Много бегает. На месте сидит с трудом. Все порывается умчаться, попрыгать, перескочить через какую-нибудь яму, арык.

1 мая 1942.

— А когда родится ребенок — как я узнаю: мальчик он или девочка? По лицу?

*

Оказалась очень нерадивой: тетрадку забросила, но не была оправдаться:

— Кто же летом занимается? Вот зимой...

*

— Галя, кто на свете самый милый?

Не задумываясь:

— Мама Фрида и папа Шура [А. И. Кулаковский. — А. Р].

И, строго глядя на собеседницу, громко и с некоторым раздражением, словно с ней не соглашались, несколько раз добавила:

— И папа Шура. И папа Шура. Самые милые — мама и папа Шура.

9 мая 42.

— Мама, а где же щенок?

— Спать лег.

— Ты откуда знаешь?

— Слышала, как хозяева говорили...

— Ты что же, подслушивала? Ты разве не читала в «Почемучке» [7], что подслушивать нехорошо?

12 мая 42.

Мама Соня принесла Гале конфету.

— Галя, чего тебе сейчас хочется больше всего? — спрашивает она, уверенная в том, что желание будет носить ярко-гастрономический характер.

— Чего мне сейчас больше всего хочется? — повторяет Галя задумчиво. — Больше всего мне хочется поехать в Москву и повидать папу Шуру.

29 мая 42. Ташкент.

16 мая у Гали родилась сестричка Сашенька — 49 сантиметров, 7 с половиной фунтов (3 килограмма). Черноглазая и черноволосая.

Из письма Александра Борисовича в больницу:

«Я на Паркентской. Галя сидит рядом со мной. Уже мы вымыли с ней руки и поговорили о сестричке. Ее очень удивляет, что тебя и Сашу нельзя сейчас же увидеть. Я объяснил, что ты устала, отдыхаешь. Почему она плакала, узнав о Саше, объяснить не может. Несколько раз начинала и... смеется. Я не настаивал. Говорит очень спокойно и доброжелательно. Вообще, настроение самое благодушное. Хочет назвать сестричку Марусей или Катей. Но не настаивает. Суп не хотела есть. Но потом ела «за маму и Сашеньку». Сейчас она настаивает, чтоб этот факт был отмечен в письме. «И за Сашеньку», — говорит она. «Но это имя мне все-таки не нравится. Я буду звать Катей»».

25 июня 42.

Галя плачет по каждому поводу и без повода. Уронила хлеб с маслом — плачет. Оступилась — упасть не упала, только оступилась, — плачет. Не сразу ответили ей на вопрос — в слезы. Обидчива. Зина сказала ей: «Осторожнее, Галочка, не замажь мне платье своим пирожком», — Галя пулей вылетела из комнаты и, очутившись у себя, расплакалась.

Нетерпелива. Начала обводить чернилами письмо к папе Шуру [8]. Обвела полторы строчки и капризным тоном:

— Не хочу больше, устала.

К сестричке относится хорошо, с нежностью. Только вчера вечером, выведенная из терпения непрерывным Сашиним криком, сказала полшутя:

— Оставь-ка эту плаксу, умой меня и уложи спать.

16 июня Саша весила 3 800.

Воспитывают ее плохо: по ночам носят на руках, днем — укачивают.

4 августа 42.

Саша примерно с двух с половиной месяцев спит по ночам. Уснет в 11, просыпается в 6 утра. Перед сном получает разведенный мел — на кончике ножа в ложке теплой воды.

Вскоре после рождения Сашеньки Галя переселилась с Паркентской к нам, в свою новую семью. Здесь ее воспитывают по

новой методе. Сущность этой методы заключается в системе замечаний, главную роль в которых играет отрицательная частица «не».

Звучит это примерно так:

- Галя, не садись на постель.
- Галя, не трогай Сашу грязными руками.
- Галя, не кричи, Галя, не капризничай.

И т. д.

Все справедливо, но, вероятно, утомительно. Иногда вдруг все эти замечания приобретают форму вопросительную. Тогда получается следующее:

— Галя, зачем ты садишься на постель?

— Галя, зачем ты трогаешь Сашу грязными руками, зачем кричишь, зачем капризничаешь?

При ближайшем рассмотрении вместо довольно покладистой и послушной девочки, Галя оказалась упрямницей и скандалисткой.

- Вымой руки!
- Не хочу! — следует угрюмый ответ.
- Не садись на кровать!
- А я хочу! — отвечает девица, правда, несколько нерешительно.

В первое время разговаривала одними повелительными предложениями. Ни к кому не обращаясь, забыв о «пожалуйста», заявляла: «Воды!» Или: «Пить!» Или: «С луком! Без лука! Яблоко!».

Теперь эта безапелляционная форма исчезла, но остались другие, сходные: «Все равно не буду!», «Хочу!» или, напротив того: «Не хочу!».

За обедом происходят отвратительные сцены, безобразная торговля:

— Дай яблоко, тогда буду есть лапшу.

Или:

— Супу все равно есть не стану!

Или:

— Убери морковь! Пенку! Помидоры!

Больные нервы? Избалованность? Плохой характер? И то, и другое, и третье?

*

— Ты мыла руки мылом?

— Да.

Иду к умывальнику, убеждаюсь, что мыла ей не достать.

— Зачем сказала неправду?

— Я пошутила.

*

— Галя, если так будешь себя вести, перестану тебя любить.

Галя, мстительно:

— А я все равно буду тебя любить.

*

— Мама, кого ты больше любишь — меня или Сашеньку?

— Мама, с кем тебе интереснее — со мной или с Сашенькой?

*

— Люблю больше всех маму, а жалею больше всех Сашеньку.

*

Всякие нотации и прочувствованные разговоры выслушивает с равнодушным, отсутствующим выражением лица. После выговора может немедленно спросить: «А ты дашь мне пряник?».

Весьма обидно, написав сотню статей о воспитании ребят, споткнуться на собственном младенце.

*

Увидела, как Шура, лаская Сашу, поцеловал ее в ухо. Когда Шура ушел, сказала мне:

— Мам, поцелуй меня в ухо.

5 августа 42.

Растрогать ее нелегко:

— Галя, я очень устала и проголодалась. Пойду поем, а ты побудь с Сашенькой.

— Ну-у-у... Лучше я посижу в тупичке на скамеечке.

Но сама часто подходит к Саше, с нежностью трогает ручки, ножки, целует, разговаривает, а иногда, укачивая, тонким голосом поет колыбельную: «Придет серенький волчок, тебя схватит за бочок...», чем и будит по утрам Шуру...

*

— Мама, Саша улыбается вслух...

*

— Галя, какую книгу читала вам Ольга Львовна [мать А. Б. Раскина. — А. Р.]?

— Она нам не читала. Она сама себе читала свою старшую книгу.

*

Плакать по пустякам перестала. Особенно после того, как перестали бросаться к ней, сломя голову, при каждом ее вопле.

Кроме того, была ей рассказана история с пастухом и волком.

9 августа 42.

Просьба посидеть с Сашей едва не имела трагических последствий: Галя, укачивая Сашу, перевернула коляску. Испугалась, закричала, заплакала, но как только выяснилось, что Саша цела и невредима, пришла в себя, улеглась спать и больше этим эпизодом не интересовалась.

— Как же тебе не стыдно, даже не спрашиваешь, как себя чувствует Саша?

— А что... Она ведь не расшиблась!

И смеется еще...

*

За буйное непослушание было решено Галю наказать. Но как? Не разговаривать с ней? Но это ее не тронет — она почти не бывает дома, прибегает только поесть, ни я, ни кто другой с ней никаких интересных для нее разговоров не ведет. Так что выходит: лишение небольшое. Придумали: будет спать одна, без меня.

Галя выслушала это решение с завидным спокойствием, легла спать, а утром сообщила:

— Очень хорошо спала. Свободно так. А тебе свободно без меня было?

Слушается, однако, лучше.

Старается оттенить свои хорошие поступки и намерения.

— Мама, я съела все корки.

— Мама, дай пожалуйста нож, я отрежу от своего яблока половину и дам Лике.

— Мама, я выполоскала Сашенькин подгузник и повесила сушить.

— Мама, тетя Оля дала мне морковь, а я сказала: «Спасибо!»

Но хорошие отношения у нас с ней не налаживаются: она нагрубила Шуре, обещала мне извиниться перед ним и не извиняется. Сначала, было, на мой вопрос — извинилась ли — ответила:

— Да, я сказала: больше не буду...

— А Шура что?

— А Шура сказал: хорошо.

Оказалось: неправда.

— Ты что же врешь? Пойди извинись.

— Я стесняюсь.

И наконец:

— Надо извиниться, ты обещала.

— Ничего я тебе не обещала.

Раньше, совсем недавно, обижалась на каждое резкое слово. А теперь — Шура с ней не разговаривает, я разговариваю сухо, Ольга Львовна — иногда раздражительно, а у Гали в глазах только упрямство, да и насмешка, пожалуй. И ожидание: «Ну, а дальше что будет?».

*

— Мама, Лика говорит, что Шура мой папа. Я ей объяснила, что он Шура, а не папа.

11 августа 42.

В целях самооправдания говорит вещи просто чудовищные: Ольга Львовна:

— Ты понимаешь, что Сашенька из-за тебя могла бы умереть, не было бы Сашеньки — понимаешь?

— Ну, что ж, мне бы тогда достались все ее распашонки... (!!!)

*

Я уж рада бы довести Галю до слез. Но — никак не прошибу.

Фрида Абрамовна с Сашей. Ташкент, июль 1943 года

17 августа 42.

Прошибить слезу удалось арбузом.

Принес арбуз Шура. Шура с Галей не разговаривает. Галя извинения у Шуры не просит. А арбуз опять-таки принес Шура. Следовательно — арбуза Гале не полагается.

Рыдания. Слезы.

— Дай арбуза! Я давно арбуза не ела! Хочу арбуза!

Извиняться, однако, не стала.

На другой день просила тоном безнадежным, но уже без страдания в голосе:

— Ну, дай мне арбуза, дай...

Почти примирилась с тем, что арбуза не получит. Даже рассказывала какой-то старушке в тупике: «А у нас арбуз есть...»

Новый взрыв отчаяния был вызван приходом мамы Сони. В расчете на ее мягкое сердце Галя кричала, плакала, требовала арбуза. Не получила. Но и не извинилась.

(Господи, какой я была дурой тогда, глухой дурой! Ее надо было только любить и жалеть, а я ее воспитывала. 1 декабря 1955 г.)

*

Раньше боялась и дичилась ребят — почти не играла с ними. Потом быстро освоилась, научилась по их способу взбираться на дерево, а оттуда на крышу сарая и даже свела дружбу с тринадцатилетним вором и хулиганом Валькой, отец и мать которого арестованы — один за бандитизм, другая за воровство.

По приглашению Вальки Галя была у него в гостях, где произошел следующий знаменательный разговор:

— Он меня спрашивает: «Вы богато живете?» А я ему: «Ну, во время войны кто ж богато живет?»

Гале запрещено ходить к Вальке. Но она, кажется, не очень-то намерена выполнять приказание.

Много врёт. Это — *самое* отвратительное.

*

— Галя, убери, пожалуйста, на место мой зубной порошок.

— Стану я убирать — ведь не я принесла его сюда?

Посылаю ей самый страшный, какой только могу изобразить, взгляд. Она уносит зубной порошок, возвращается и принимается философствовать:

— Ты говоришь: надо за собой убирать. Но ведь не я принесла сюда порошок, а ты, — значит, ты и должна убрать.

— Ведь не я, а ты пачкаешь свое платье, а стираю-то все-таки я? Ведь это ты, а не я хочешь есть, а готовлю еду тебе я?

— Это потому, что я маленькая.

*

Гале запрещено выходить в тупик, пока не станет слушаться сразу, без длинных рассуждений и бесконечных «А почему?»:

— Галя, убери локти со стола!

— А зачем?

— Галя, не лезь под кровать.

— А почему?

— Галя, помой руки.

— А зачем?

И это во всех случаях, в ответ на самое пустяковое приказание, просьбу.

*

Галя, целуя Сашеньку:

— Сашенька, маленькая, какая ты трогательная!

— Галя, а что такое трогательная?

Смутилась, улыбнулась:

— Не знаю... Это, наверное, вот что: Саша спит, но если стукнуть дверью, или закричать, она вздрагивает, трогается.

*

— Мама, Лика меня стукнула!

— Ты сама ее ударила...

В глазах слезы:

— Ты меня совсем не жалеешь. Одну только Сашку жалеешь, а больше никого.

20 августа 42.

Галя оказалась совсем не такой бесчувственной. Сегодня она с моей помощью извинилась перед Шурой («Шура, Галя хочет извиниться перед тобой»). Длинная неловкая пауза. Галя, улыбаясь, несколько бессмысленно: «Я больше не буду»). И сразу потеплела, отогрелась: по дороге на Пастеровскую станцию молча поцеловала мою руку, потом тревожно спросила:

— И спать со мной будешь, да?

Вечером, после прихода Шуры, сказала задумчиво:

— Почему же так получается — я перед Шурой извинилась, а он со мной все-таки не разговаривает?

— Ну как же — он пришел, поздоровался с тобой.

— Поздоровался и сказал мне пять слов. Я вошла в комнату за марлей, а он спрашивает: «Ты зачем пришла?». Я говорю: за марлей — мама велела. А он говорит: «Ну, правильно». Пять слов выходит: «ты зачем пришла» и «ну, правильно».

*

Запрещение ходить в тупик сначала ужасно взбесило Галию («Все равно пойду» и пр.), а теперь покорилась и не ропщет больше.

22 августа 42.

— Что-то я не вижу, чтобы Шура со мной разговаривал...

*

Шуру Галя иногда называет теперь «Сашин папа...» (в его отсутствие).

31 августа 42.

Никак не могу понять: у Гали подлая душа, что ли, или просто она маленькая девочка и мало чего понимает? Приподнялась на цыпочках и взяла с окна у хозяйки сушеные арбузные семечки. За что и была впервые отлуплена.

10 сентября 42.

Буду считать установленным: никакая не подлая, а просто маленькая.

(Маленькая и несчастная. Как же я этого не понимала? 1 декабря 1955 г.)

(Продолжение следует)

[1] С детским садом газеты «Правда».

[2] Зоя Александровна Беркенгейм — школьная подруга Фриды Абрамовны.

[3] См. К. Чуковский «От двух до пяти». Девочка говорит: «Я вся такая духлая, я такая пахлая!»

[4] В первое время по приезде в Ташкент Галя жила отдельно от матери, у бабушки и дедушки на Паркентской улице.

[5] В Фергану Ф. А. послали в командировку от газеты. По дороге ее, беременную (!), столкнули с поезда. К счастью, и она, и ребенок остались невредимы.

[6] Галя называла родителей Ф. А. не дедушка и бабушка, а папа Аба и мама Соня.

[7] «Что я видел» Бориса Житкова.

[8] К этому времени Галиного папы уже не было в живых, но родные еще об этом не знали.

Генри Хаггард, и не только он

1.

Этот писатель жил в Англии во второй половине XIX века, дожил до 1925 года, а известен стал еще в 1880-е годы — своими захватывающими приключенческими романами.

«Для современников, — писал знаток американской и английской литературы Алексей Зверев, — книги Хаггарда были такой же неотъемлемой приметой английского быта, как согревавшие постель бутылки с горячей водой или гвардейцы в медвежьих шапках у резиденции престарелой королевы Виктории».

Особенным успехом пользовалась небольшая книжечка «Копи царя Соломона». Копи — раньше так называли *рудники*, вообще то пространство, где идет разработка каких-либо месторождений. А тут дело происходит в Южной Африке и речь идет об алмазах... Когда-то по ним в тех краях так же сходили с ума, как на американском материке, в Клондайке и в Калифорнии, — по золоту.

Хаггард описываемые им места хорошо знал. Он был восьмым ребенком в семье, где детей было десятеро. Отец с трудом дал сыновьям образование. И в восемнадцать лет Генри отправился в Южную Америку — секретарем новоназначенного английского губернатора. Там было легче, чем в метрополии (то есть — в самой Англии), сделать карьеру.

Конечно, эпоха империй повсюду шла на убыль. Но все-таки именно при юном Хаггарде покорились английской короне зулусские племена. Он, как и миллионы британцев, гордился, когда еще на одной африканской территории ползло по флагштоку британское знамя. Но это совсем не означает, что он относился к подчинившимся короне народностям с высокомерным презрением. Все тут гораздо сложнее. И, конечно, британцы шли на этот материк не только с огнем и мечом, но и с просвещением. Но эту обширную тему мы здесь подымать не будем, хотя отношения британцев и местных жителей — немаловажная часть содержания небольшой (к тому же недавно выпущенной в мягкой обложке, в удобном формате — влезает даже в карман куртки) книжки.

...Когда начнете ее читать — особое внимание обратите на *зулуса Омбопа*.

Вокруг него — подсказу вам, так и быть, — и развернутся в последней части книги главные события...

Вообще же эта книжка — на самые разные вкусы.

Если кто любит про добрые чувства вообще, в особенности же — про

нежные чувства, тем более вспыхнувшие неожиданно, — пожалейте:

«Женщины — всегда женщины, какого бы цвета ни была у них кожа, и куда ни пойдешь — всюду они одни и те же. А все же меня немного удивляло, что эта чернокожая красавица день и ночь склоняется над постелью больного и исполняет свое дело милосердия с таким же тонким пониманием своих обязанностей, как самая лучшая европейская больничная сиделка. ... Как сейчас вижу всю эту сцену, повторяющуюся днем за днем, ночь за ночью при свете нашей первобытной лампы; вижу исхудалое лицо и широко раскрытые, неестественно блестящие глаза Гуда, который мечется на постели и бормочет всякую чепуху, и около него на полу — стройную куанскую красавицу с нежными глазами, которая сидит, прислонившись к стене хижины, и ее утомленное лицо так и дышит безграничной жалостью».

Кто ценит описание настоящего рукопашного боя — он тут есть, и на многих страницах.

А кто любит, чтоб дрожь от ужаса пробирала, — читайте, как героиня книги оказалась в некоей пещере:

«Эта комната или пещера была далеко не так хорошо освещена, как сталактитовый грот, и с первого раза я только мог рассмотреть массивный каменный стол, занимавший ее во всю длину, колоссальную белую фигуру, сидевшую на противоположном конце, да еще другие, тоже белые, фигуры в натуральную величину, сидящие кругом... Через минуту мои глаза свыклись с окружающим полумраком; я рассмотрел, что это значило, и бросился назад со всех ног. Вообще говоря, я человек не нервный и мало подвержен суевериям... но должен признаться, что то, что я тут увидел, перевернуло меня совсем. Если бы не сэр Генри, поймавший меня за шиворот и помешавший мне убежать, через пять минут меня бы уже не было в сталактитовом гроте, и я не согласился бы туда вернуться ни за какие алмазы. ...Однако когда его собственные глаза привыкли к темноте, то и он отер со лба холодный пот и выпустил меня сразу».

2.

Но и до этого им пришлось потерпеть страху — среди зулусов, которыми правили исключительно жестокие властители, убивавшие своих подданных за крохотные провинности и регулярно совершавшие человеческие жертвоприношения.

Пришельцам пришлось внушить туземцам, что они явились непосредственно со звезд. Но положение все равно было очень серьезное. И на их

счастье — а также, как увидите, на счастье многих местных жителей, — один из путешественников заглянул в свой календарь. И прочитал там следующее: «...Четвертого июня — полное солнечное затмение. Начало в одиннадцать часов пятнадцать минут по гринвичскому времени, видимое на здешних островах, в Африке и т. д.».

...Ну, все, конечно, уже догадались, что путешественники использовали это свое знание, как говорится, по полной программе. И только жестокий правитель отдал приказ убить самую красивую девушку — по установленному там обычаю («Девушка в отчаянии заломила руки и громко закричала: «Жестокие, я так молодая! Что я такое сделала?..»»), как один из путешественников воскликнул:

«— Остановитесь! Мы, белые жители светлых звезд, повторяем, что мы не допустим этого убийства. Смейте только сделать хоть один шаг вперед, и мы потушим солнце и потопим всю землю во мраке. Отведайте нашего волшебства!»

Моя угроза действовала: люди остановились...

Ну а дальше все идет, как по нотам (астрономия — наука очень точная!), и читать очень интересно.

А теперь вопрос к самым начитанным из вас — не напомним ли вам эта история с затмением нечто, читанное в совсем другой книжке?

3.

Я рассказывала в свое время читателям «до шестнадцати» об американском писателе Вашингтоне Ирвинге (получившем, между прочим, от родителей свое имя в честь первого американского президента — Джорджа Вашингтона) и о его герое Рип ван Винкле, вошедшем в галерею знаменитых литературных героев. Он хлебнул однажды из предложенного ему незнакомцами кубка с вином — и «погрузился в глубокий сон». Проснулся же на том самом зеленом бугре, что и заснул, — но только через много-много лет...

А другой американский писатель — давно известный вам и, надеюсь, читанный Марк Твен — описал нечто противоположное.

Рассказчик одной из его повестей бродит вместе с недавним знакомым по старинному британскому замку и слушает скучный голос экскурсовода:

«— Древняя кольчуга шестого века, времен короля Артура и Круглого стола (*а по преданию — именно этот король задумал для тиришеств соорудить круглый стол — чтобы все рыцари чувствовали себя за ним равными друг другу!* — М. Ч.) по преданию, принадлежала рыцарю сэру Саграмору Желанному; обратите внимание на круглое отверстие между петлями кольчуги с левой стороны груди; происхождение этого отверстия неизвестно, предполагают, что это след пули. Очевидно, коль-

чуга была пробита после изобретения огнестрельного оружия» — экскурсовод высказывает предположение, что в нее какой-нибудь солдат выстрелил уже в позднейшее время — «из озорства». Спутник «улыбнулся ... и пробормотал про себя:

— Что скрывать! Я-то знаю, как была пробита эта кольчуга. — Затем, помолчав, прибавил: — Я сам ее пробил.

Я вздрогнул от изумления, как от электрического тока. Когда я пришел в себя, его уже не было».

Вечером они вновь встречаются. И знакомец-незнакомец рассказывает следующее.

Он жил себе в Америке и в 1879 году работал в должности старшего мастера на оружейном заводе. А в те годы жители США — потомки энергичных, инициативных первопроходцев, покинувших старую добрую Европу, чтобы заселять этот не очень-то пригодный для жизни молодой материк, с его нередкими торнадо и землетрясениями, еще совсем не были такими законопослушными, какими стали в XX веке. Это были настоящие ковбои, в любой момент готовые к потасовке с любым исходом. Потому герой Марка Твена поясняет: «На такой должности надо быть человеком боевым — это само собой понятно. Если под вашим надзором две тысячи головорезов, развлечений у вас будет немало. У меня во всяком случае их было достаточно. И в конце концов я нарвался и получил то, что мне причиталось. Вышло у меня недоразумение с одним молодцом, которого мы прозвали Геркулесом. Он так хватил меня по голове, что череп затрещал, а все швы на нем разошлись и перепутались. Весь мир завалохла тьма, и я долго ничего не сознавал и не чувствовал.

Когда я очнулся, я сидел под дубом на траве, в прелестной местности, совершенно один. Впрочем, не совсем так: рядом находился еще какой-то молодец, он сидел верхом на лошади и смотрел на меня сверху вниз, — таких я видывал только в книжках с картинками. Весь он с головы до пят был покрыт старинной железной броней; голова его находилась внутри шлема, похожего на железный бочонок с прорезьями; он держал щит, меч и длинное копье; лошадь его тоже была в броне, на лбу у нее торчал стальной рог, и пышная, красная с зеленым, шелковая попона свисала, как одеяло, почти до земли.

— Прекрасный сэр, вы готовы? — спросил этот детина.

— Готов? К чему готов?

— Готовы сразиться со мной из-за поместий, или из-за дамы, или..

— Что вы ко мне пристааете? — сказал я. — Убирайтесь к себе в цирк, а не то я отправлю вас в полицию».

Но тут быстро выясняется, что дело не шуточное, всадник несется прямо на него с копьём, в конце кон-

цов берет его в плен и куда-то ведет. По дороге попадается им прелестная девушка лет десяти, которая «нисколько не удивилась его фантастическому наряду, словно ежедневно встречала людей в латах. Она прошла мимо него равнодушно, как прошла бы мимо коровы. Но что стало с ней, когда она увидела меня! Она подняла руки и окаменела от удивления, рот ее раскрылся глаза испуганно расширились; вся она была воплощением любопытства, смешанного со страхом. ...И я никак не мог понять, почему ее поразил я, а не мой спутник. Тут было над чем задуматься. Я шел как во сне».

4.

...Все больше и больше видит бедный герой несусветного и необъяснимого.

Наконец за ним присылают «главу пажей» — «тоненького мальчика в ярко-красных штанах. ...Верхняя его одежда была сшита из голубого шелка и кружев; на его длинных светлых кудрях сидела розовая атласная шапочка с пером, кокетливо сдвинутая на ухо».

Они идут, мальчик весело болтает — и выбалтывает, что родился в начале 513 года. И тогда его собеседник спрашивает слабым голосом:

«— Послушай, мой мальчик, я здесь чужой, друзей у меня нет; будь со мной честен и правдив. Ты в своем уме?

Он ответил, что он в своем уме.

— И все эти люди тоже в своем уме?

Он нарвался и получил то, что мне причиталось.

— А разве здесь не сумасшедший дом? Я имею в виду заведение, где лежат сумасшедших.

Он ответил, что здесь не сумасшедший дом.

— Значит, — сказал я, — либо я сам сошел с ума, либо случилось что-то ужасное. Скажи мне честно и правдиво, где я нахожусь?

— При дворе короля Артура».

...Вот почему и повесть эта названа — «Янки при дворе короля Артура». («Янки» — если кто забыл — это американец английского происхождения.)

И когда герой узнает от пажа сегодняшнее число — 19 июня 528 года, он, «по какому-то наитию» (а мы думаем — просто хорошо учился!), вспоминает, что «единственное полное солнечное затмение в первой половине шестого века произошло 21 июня 528 года, и началось оно ровно в три минуты после полудня». Он решает, что это единственное средство проверить точно, в каком он времени. Но обстоятельства складываются так, что он использует это свое знание точно-точно как герои Хаггарда — для демонстрации своей волшебной силы...

5.

«Копи царя Соломона» вышли в свет в 1885 году, а «Янки при дворе короля Артура» — в 1889-м. Так что у

Марка Твена было время почитать Хаггарда.

А может, все-таки он его не читал? И это — случайное совпадение? Ведь у обоих писателей фантазия была ключом.

Но тут вот что интересно: когда Марк Твен будет описывать своего важного янки, оказавшегося неожиданно-негаданно в шестом веке, за столом короля Артура и королевы Гиневры, и собравшиеся за этим столом рыцари будут наперебой хвалиться, как они взяли его в плен, то автор вложит в уста волшебника Мерлина предложение снять с пленника его «заколдованную одежду», то есть никогда не виданный ими костюм приличного американца конца XIX века.

«Через полминуты я был гол, как кочерга! О Боже, в этом обществе я оказался единственным человеком, которого смутила моя нагота. Все разглядывали и обсуждали меня с такой бесцеремонностью, словно я был кочан капусты. Королева Гиневра смотрела на меня с тем же простодушным любопытством, как и все остальные, и даже сказала, что *никогда в жизни не видела таких ног, как у меня*. Это был единственный комплимент, которого я удостоился, если подобное замечание можно назвать комплиментом».

Вот тут замечательный писатель себя выдал!..

Дело в том, что именно у Хаггарда одному из героев, европейцу, привыкшему быть одетым с иголки и уж во всяком случае не показываться на людях без брюк, местные жители не отдают его брюки, поскольку не могут налюбоваться на его «прекрасные белые ноги»!

Так что если насчет затмения еще можно было сомневаться — почему не предположить, что Марк Твен и в глаза не видел роман Хаггарда, а додумался до этого эпизода сам? — то вот про *прекрасные мужские ноги* — вряд ли. Эта деталь, увы, выдает, на наш взгляд, чтение Марком Твенном романа Хаггарда.

Ну и что? Да ничего особенного. Это нисколько не значит, что Марк Твен сделал что-то плохое — списал у современника, как последний двоечник. Ничего необычного и тем более нехорошего нет в том, чтобы воспользоваться в литературном произведении известным сюжетным ходом. Даже — одним и тем же сюжетом. Сколько произведений написано о Доне Жуане, о Докторе Фаусте... Не раз пересказана на разных языках история деревянной куклы — Буратино... Ничего страшного — лишь бы у каждого из пишущих получилось и увлекательно, и поучительно.

Так что читайте, не теряя времени зря, и Генри Хаггарда, и Марка Твена! В любой последовательности. Чтобы было что *перечитывать* с удовольствием через много лет — и со знанием дела посоветовать своим детям...

Колдунья Майя и Ким

Сказка

Роза Хуснутдинова

Было раннее летнее утро. В деревянном доме у воды проснулась Майя, девочка с синими глазами под длинными ресницами, с золотистыми прядями вьющихся волос. Ее можно было принять за ангелочка, если бы не царапины на коленках и следы от укусов комаров.

В раскрытые окна вливался прохладный воздух. С близкого острова доносились крики птиц, гнездящихся в камышах; над водой, вытянув назад длинные ноги, пролетела цапля; нежно посвистывал зяблик; жалобно, как человеческий детеныш, вскрикивал коршун.

— Мама! — позвала Майя.

Никто не ответил ей. Девочка поднялась с кровати и, ступая босыми ногами по деревянному полу, пошла в большую комнату. Но и здесь никого не оказалось.

Майя вышла в сад. На яблоне сидела чужая ворона; мимо пролетела пчела; через дорожку в кусты прошмыгнула лягушка. Мамы не было видно.

«Может, ее утащил водяной из колодца?», — подумала девочка. Вчера мама ушла за водой, и ее долго не было. Когда она вернулась с полными ведрами, Майя ее спросила.

— Тебя что, водяной утащил на дно?

— Да, водяной, да еще с бородой! — засмеялась мама. —

Он вон в том доме живет!

И показала рукой на соседний недостроенный дом за забором.

— А почему он тебя отпустил? — спросила Майя. — Может, ты ему что-то пообещала? Сказала: «Я отдам вам свою дочь в служанки, только отпустите меня домой?»

— Ну, я свою дочь никому не отдам, — засмеялась мама.

Майя отправилась к соседу знакомиться.

Вышла из калитки, прошла по песчаной дорожке и открыла железную калитку в заборе соседнего участка. На крыльце недостроенного дома сидел бородатый человек. Он держал в руке распутившуюся розу.

«Может, он маму превратил в цветок?», — подумала Майя.

— Здравствуйте! — поздоровалась она.

— Здравствуйте, соседка, — дружелюбно ответил бородатый.

— Я знаю, вы водяной! — сказала Майя. — Вчера вы мою маму чуть не утащили в колодец, а сегодня превратили ее в цветок. Что вы хотите за то, чтобы снова превратить ее мою маму?

Водяной во все глаза смотрел на Майю.

— Я могу три дня не есть! — сказала Майя, вспомнив, как болела зимой ангиной и в самом деле не ела целых три дня.

Водяной молчал.

— Могу заставить взлететь божью коровку, — сказала Майя.

Она сняла с листа лопуха божью коровку, посадила на ладонь и запела: «Божья коровка, улети на небо, там твои детки кушают конфетки, всем по одной, а тебе ни одной!».

Божья коровка послушалась Майю и улетела.

— Вот! — сказала Майя.

Водяной по-прежнему молчал.

— Ну ладно, я согласна выйти замуж за чудовище, и чтобы он потом стал царевичем, — сказала Майя. — Только верните маму.

Тут на крыльцо вышел мальчик, у него были смеющиеся глаза и черные кудри.

— Наверное, ты раньше был чудовищем, а потом стал царевичем, — сказала ему Майя.

Мальчик удивленно посмотрел на нее.

— Ну, я не царевич, а волшебник, — сказал он, помолчав. —

Хочешь, самолет превращу в шмеля?

В это время по небу как раз пролетал самолет.

Майя кивнула. Мальчик поднял голову, пристально посмотрел на самолет, и тот нырнул в облако, гул его замер вдали. Зато из-за дома вылетел жужжащий шмель и закружился над Майей.

— Здорово! — сказала она. — А что ты еще умеешь?

— Могу превратить тебя в лягушку, — сказал мальчик. — Я уже многих девочек превращал в лягушек.

Майя задумалась: может или не может? Она улыбнулась и сказала:

— Я сама могу превратить тебя в жука. Не посмотрю, что твой папа водяной.

— Я сейчас вас обоих утащу в реку! — весело сказал Водяной. — Купаться хотите?

— Майя, ты здесь? — раздался позади знакомый голос. Обернувшись, Майя увидела маму в цветастом сарафане, стоявшую у калитки. На плече мама держала банку с молоком.

— Идем пить молоко, — сказала мама.

Майя побежала к калитке.

Пока пили вкусное парное молоко, Майя рассказала маме, как проснулась утром, не увидела ее нигде и отправилась к соседу, там был мальчик, он сказал, что может превратить Майю в лягушку. Тогда она сама пригрозила превратить его в жука. Жаль, что на самом деле она этого не умеет. Хорошо бы научиться колдовать, стать волшебницей!

— Да, начиталась ты книжек про всяких волшебников, — покачала головой мама.

После завтрака Майя убралась в комнатке, полила маргаритки, полистала книжку о привидениях в английских замках. Наступило жаркое время дня.

Мама прилегла в комнате отдохнуть, Майя вышла на берег и стала смотреть на воду. С соседнего участка, примыкающего к реке, из зарослей камыша выплыла лодка и заскользила по воде. В лодке сидел сосед. Лодка доплыла до острова и исчезла.

«Может, у него там подземный дворец», — подумала Майя.

Тут она увидела скачущую по берегу лягушку.

«Может, это и не лягушка вовсе, а какая-нибудь девочка, которую сын Водяного превратил в лягушку, подумала Майя. Может, ее зовут Катя или Марина? Может, она молока хочет, а не каких-то комаров?»

У калитки Майя увидела Изольду Павловну. Эта женщина жила на даче дольше всех, до ноября. Иногда приходила к ним в дом, приносила семена какой-нибудь необыкновенной японской вишни или тыкву с пятном на боку, «напоминающим земное полушарие», а то пришла как-то с тортом и сказала: «Будем праздновать день рождения сиамских котов». «Она со странностями, — говорила про нее мама. — Может, потому, что у нее никого нет, совсем одна».

— Здравствуй, деточка! — сказала Изольда Павловна. — Мама дома?

— Она спит, а мне нужно поговорить с вами, — таинственным шепотом произнесла Майя и увлекла гостью в сторону реки.

— Слушаю, детка, — Изольда Павловна наклонилась к кусту азалии, вдыхая ее аромат.

— У нас появились соседи, — сказала Майя. — Водяной и его сын. Этот мальчик сказал, что может превратить меня в лягушку. А я хотела бы сама превратить его в кого-нибудь. Хочу научиться колдовать. Вы не могли бы меня научить?

— Я? — удивилась Изольда Павловна.

От острова отплыла лодка. В ней сидел бородатый сосед и греб к берегу.

— Вон он, — шепнула Майя. — Водяной. Возвращается из своего подземного замка. Там, у него, наверное, русалки, кикиморы всякие живут.

На берег выбежал мальчик и закричал:

— Пап, поймал что-нибудь?

— Деточка, это Владимир Петрович, сотрудник нашего института, — сказала Изольда Павловна. — А это его сын, Ким.

— На работе-то, он, может, и сотрудник, а здесь водяной, — зашептала Майя. — Ну научите меня колдовать, Изольда Павловна!

— О чем вы шепчетесь? — послышался певучий голос. Мама стояла у окна и смотрела на них. — Идите в дом, будем пить чай с блинчиками.

— Маме ничего не говорите, — шепнула Майя. — Она не верит в волшебство.

— Хорошо, — улыбнулась Изольда Павловна. — Я подумаю, детка. Завтра встретимся, я что-нибудь придумаю.

— А если сегодня Ким превратит меня в лягушку? — Майя испуганно смотрела на Изольду Павловну.

— Ну хорошо, я дам тебе свой браслет из волшебных ниток, он тебя защитит.

Она сняла со своей руки повязку из разноцветных ниток и надела на руку Майя.

— Спасибо, — сказала Майя. — Теперь мне уже не так страшно.

Вечером купались в теплой реке. Мама заплывала далеко, Майя испугалась и стала звать ее обратно.

Сосед с сыном тоже полезли в воду. Ким нырял, выпускал, как кит, фонтанчики воды. Подплыл к Майе, которая плескалась у берега, спросил, не боится ли она, что он превратит ее в щуку?

— Как бы я сама не превратила тебя в карася! — ответила Майя.

Поздно вечером, выпив парного молока, погасив свет, улеглись с мамой спать. Мама сказала:

— Ким такой ловкий! Плавает как рыба! Нравится тебе этот мальчик?

— Нет, конечно! Он же хотел превратить меня в лягушку! Но я сама превращу его в кого-нибудь! — ответила Майя.

Наутро Майя отправилась к Изольде Павловне, на край дачного поселка. Открыв калитку, прошла через заросший бурьяном и чертополохом участок — лишь у стены дома росли белые и розовые мальвы — и вошла в дом.

Изольда Павловна сидела посреди комнаты и разглядывала какие-то пыльные книги, вынимая их из ящика. С окна свисала кружевная занавеска.

— Здравствуйте, какая у вас красивая занавеска, — сказала Майя.

— Да, начала ее подшивать, чтобы занавесить окно. Но после вчерашнего разговора с тобой... Я вспомнила, что прошлым летом ко мне приезжала тетушка из Выборга, она оставила такие интересные книги... Вот, «Путеводитель по Петербургу», «Кулинарная книга», «Волшебные сказки»... А вот как раз то, что нам нужно!

Изольда Павловна осторожно вынула из ящика потрепанную книгу в лиловом переплете, прочла название: «Колдовские рецепты». Полистала, покачала головой:

— Написано на каком-то тарабарском языке... «Чтобы перенести предмет в пространстве, надо сжечь прядь своих волос, развевать пепел в том направлении, куда вы хотите переместить предмет, и сказать: “Ахту, махту, бишура”. Ваше желание исполнится... Если хотите взлететь, как птица, надо подняться на высокое место, представить себя птицей, сказать “Ахту, махту, бишура”, и вы взлетите».

Майя во все глаза смотрела на Изольду Павловну.

— Давайте попробуем первый рецепт, он не такой трудный.

— Сжечь твои волосы? — с сомнением спросила Изольда Павловна.

Майя взяла ножницы и отхватила кончик своих золотистых волос.

— Какой предмет будем перемещать? Может, вашу шляпку? Вы ее, наверное, уже не носите, она дырявая.

Майя схватила с тумбочки соломенную шляпку, с подоконника — спички и вышла из комнаты. Изольда Павловна поспешила за ней.

Они вышли во двор, потом на дорогу. Отсюда было видно желтое пшеничное поле. По краю поля двигалась телега с сеном. Майя опустила на землю прядку срезанных волос, чиркнула спичкой. Волосы мгновенно вспыхнули, на земле осталась щепотка пепла. Майя схватила ее, дунула в направлении поля и шепнула:

— Ахту, махту, бишура! Пусть шляпка окажется рядом с телегой!

И подкинула шляпку вверх. Откуда-то налетел ветерок, подхватил шляпку и понес ее. Долетев до телеги, она опустилась на землю.

— Получилось! — закричала Майя и побежала к полю. Изольда Павловна побежала за ней.

— Не заденьте нашу шляпку, поезжайте левее! — закричала Майя парню, сидевшему на телеге. Тот удивленно посмотрел на Майю, свернул в сторону.

Вместе с Изольдой Павловной вернулись во двор.

— Пробуем следующий рецепт! — закричала Майя.

Но продолжить чтение колдовской книги им не удалось. В доме Изольды Павловны их ждала мама. Она сидела на стуле и дошивала кружевную занавеску.

— Что у тебя с волосами? — удивилась мама, взглянув на Майю. — Зачем ты подрезала их с одной стороны?

— Мы играли в парикмахерскую! — выпалила Майя.

— И для этого надо было кромсать свои волосы? — пожала плечами мама. — Ладно, я испекла пирог с малиной, идем обедать. Иза, может, и вы с нами?

— Нет, у меня есть кое-какие дела. — Изольда Павловна кинула взгляд на книгу, лежавшую на столе.

— Ваша тетушка из Выборга не собирается приехать? — спросила мама.

— Да, она писала, что приедет вместе с внучкой Машей — чудная девочка! Но что-то все не едет, — грустно ответила Изольда Павловна.

— Ну, лето еще не кончилось, — улыбнулась мама. — Приедут. И вам будет веселее.

— Будьте осторожнее! — шепнула Майя Изольде Павловне, выходя из комнаты. — Не пробуйте без меня колдовать.

Но, видимо, Изольда Павловна совсем не была осторожной. Когда после чая Майя вместе с мамой и соседкой Настасьей Марковной отправились в лес за грибами и вышли на знакомую поляну, где рос большой дуб с дуплом, они увидели Изольду Павловну, сидящую на ветке дуба с растерянным видом.

— Иза, как вы там очутились? — изумленно спросила мама.
— Да вот, забралась на ветку, а как спуститься вниз, не знаю. — Изольда Павловна растерянно улыбалась.
— Но зачем вы туда забрались?
— Отсюда открывается прекрасный вид, — помолчав, ответила Изольда Павловна.

Мама переглянулась с Настасьей Марковной и покачала головой.

Пришлось возвращаться в поселок за сыном Настасьи Марковны, Павликом. Он принес лестницу и помог Изольде Павловне спуститься.

Вечером мама жгла на берегу мусор, Майя помогала ей. Потом мама ушла в дом варить гречневую кашу, а Майя осталась на берегу. Вдруг она увидела, что над водой медленно летит цапля. За ней по берегу бежит Изольда Павловна в своей сиреновой блузке и индийской юбке. Вот перед ней возникло препятствие в виде купальни, возвышающейся над водой. Изольда Павловна взбежала на верхнюю площадку купальни, скинула руки, прыгнула в воду, исчезла из виду.

Майя в ужасе смотрела на реку. Как спасти Изольду Павловну? Та вынырнула из воды и, размахивая руками, неразборчиво что-то выкрикивала. Из камышей выплыла лодка. Водяной протянул руку Изольде Павловне. Лодка поплыла к берегу, Водяной помог Изольде Павловне выбраться.

В доме переодели Изольду Павловну в махровый халат, стали пить чай с малиной. Мама с беспокойством смотрела на соседку. На все вопросы Изольда Павловна ничего не отвечала, лишь бормотала: «Спасибо, дорогая».

Выпив чаю, она сказала, что ей пора домой. Мама накинула на нее свой плащ, посоветовала дома сразу лечь в постель.

Майя вышла вслед за Изольдой Павловной в сад. У калитки Майя остановилась, заглянула в глаза Изольды Павловны.

— Вы что, попробовали второй рецепт из этой книги?

Изольда Павловна вздохнула.

— Да, деточка, не смогла удержаться.

— Но вы чуть не утонули! — покачала головой Майя. — Обещайте больше не колдовать без меня.

— Хорошо, деточка! — вздохнула Изольда Павловна.

Светлое пятно ее плаща растворилось в темноте. Майя вернулась в дом.

— Что значит одиночество, — сказала мама, укладываясь спать. — По-моему, Изольда совсем спятила! Хоть бы ее тетюшка скорей приехала.

Утром Майю разбудил солнечный зайчик. Майя открыла глаза, поднялась с дивана, поспешила в комнату и остановилась в изумлении: за столом, накрытым к завтраку, за чашкой чая сидел Ким и уплетал румяные блинчики.

— Проснулась, соня? — улыбнулась мама. — А у нас гость. Владимир Петрович наловил вчера рыбы и прислал нам в подарок трех лещей. Большое спасибо, Ким, что принес!

— Такие вкусные блинчики! — сказал мальчик, поднимаясь. Он посмотрел на Майю и добавил: — Я сейчас еду на велосипеде в дальний сад, хочешь со мной?

— Mam, мой велосипед в сарае? — радостно подпрыгнула Майя.

Ким побежал к себе, появился на сверкающем велосипеде. За спиной у него висел рюкзак, на голове сидела кепка с козырьком.

Майя тоже успела переодеться в светлые шортики и майку, на голову надела соломенную шляпку с голубой лентой, за спину забросила рюкзачок.

Они выехали на дорогу. Какое это было фантастическое путешествие! Они ехали мимо садов со свисавшими через изгороди ветками вишен. Потом вырвались из дачного поселка на простор. Проехали мимо соснового бора, мимо карасино-го озера, мимо пустынного поля. Дорога свернула на холм, и тут Ким остановился у одичавшего яблоневого сада. Когда-то здесь, видно, была деревня, жители ее переселились в другое место, а сады остались. Майя с Кимом набрали полные рюкзаки невзрачных, но очень вкусных яблочек.

На обед мама приготовила ароматный борщ, жареную рыбу и компот.

Мама пригласила и Кима пообедать с ними, но того позвал отец, и Ким ушел.

— Кажется, тебе понравилась прогулка? — улыбаясь, спросила мама, убирая со стола.

— Да, очень! — прошептала Майя, мечтательно улыбаясь.

— Что же тебе так понравилось? — спросила мама.

— Всё! — ответила Майя. — Ты знаешь, мам, я поняла, что если бы я была Мертвой Царевной, то Ким был бы Королеви-чем Елисеем. Если бы я была Людмилой, он был бы Русланом, бился бы с Черномором... А если бы я была Золушкой, он был бы Принцем и танцевал со мной на балу, туфельку золотую мне примерял!

— Ну вот что, Мертвая Царевна, сходи-ка к Изольде Павловне, узнай, не заболела ли она после вчерашнего купания, заодно заberi мой плащ, — сказала мама.

Как и опасалась мама, Изольда Павловна, все-таки простудилась вчера, лежала в постели. Майя напоила ее чаем, потом стала рассказывать о поездке в дальний сад.

— Значит, ты подружилась с этим мальчиком? — спросила Изольда Павловна. — И больше не хочешь превращать его в какого-нибудь червяка? Если бы приехала тетюшка из Выборга, да еще с Машей, внучкой своей, мы бы тоже отправились на дальнюю прогулку.

Майя поднялась.

— Мне пора идти, мама собирается устроить уборку на втором этаже. Может, завтра папа вернется из командировки.

— Ну хорошо, иди, деточка, — кивнула Изольда Павловна. — Только принеси мне с веранды ту книгу, читаю немножко.

Майя взяла книгу в лиловом переплете, задумалась. А вдруг Изольда Павловна попробует еще какой-нибудь колдовской рецепт?

Она сунула книгу в свою сумку и сказала Изольде Павловне:

— Вам сейчас лучше поспать.

И поскорее вышла из комнаты.

Возвратившись домой, Майя задумалась. Куда же девать книгу? Может, спрятать в шалаше, который папа устроил в дальнем углу сада? Она сунула книгу на дно корзины, поставила корзину под стену дома, рядом с ящиком, в котором папа хранил свои столярные инструменты.

Тут Ким с берега позвал Майю. Они с отцом собирались на рыбалку, Владимир Петрович относил в лодку рыболовные снасти и весла.

...Лодка тихо скользила по воде. Владимир Петрович приложил палец ко рту — в знак того, чтобы никто не мешал рыбачить. Майя с Кимом и не разговаривали, только переглядывались. Майя пожалела, что не знает языка жестов... Через несколько минут Владимир Петрович громко сказал:

— Ладно, можете разговаривать. И купаться можете, все равно рыба не клюет, ветер переменится.

С криком «Ура!» Ким скинул рубашку, вскочил на борт лодки и прыгнул в воду. Через несколько секунд вынырнул с другой стороны лодки и крикнул Майе:

— Прыгай!

— А здесь очень глубоко?

Владимир Петрович покосился на нее:

— А ты плавать-то умеешь?

— Немножко плаваю, у берега, где мелко.

— Прыгай! — закричал Ким. — Зажми нос пальцами, вот так, и прыгай!

И — удивительное дело! — Майя зажала нос пальцами, закрыла глаза и бросилась в воду.

На секунду-другую она перестала различать что-либо вокруг себя, потом кто-то схватил ее за руку. Вокруг зеленоватый полумрак, а рядом Ким. Что-то скользнуло мимо. Майя увидела рыбу, ее серебристые плавники и хвост. Майя рванулась вверх, вынырнула рядом с лодкой и закричала с восторгом:

— Я видела рыбу! Она меня задела!

Ким тоже вынырнул, ухватился за борт лодки и, довольный, сказал:

— Вот видишь, нырнула, и ничего страшного с тобой не случилось.

Вечером Владимир Петрович с Кимом куда-то уехали на машине. Майя сидела на берегу, глядя на реку. Где-то рядом плеснулась рыба. Вот еще, еще.

— Пескарики, карасики, — прошептала Майя. — Щуки, налимы! Я ваша Морская Царевна. Разрешаю плыть куда хотите!

Когда после чая с малиновым пирогом она снова решила отправиться на берег, мама сказала, что уже поздно, пора ложиться спать. Пришлось разбирать постель на знакомом диване.

Но Майя еще долго ходила по комнате, брала в руки блестящий камушек с полки, говорила, что он, наверное, свалился с Луны, переставляла вазу с лилиями, потом остановилась возле самовара на столе и, глядя на свое отражение, спросила:

— Мама, я красивая?

— Папа считает, что ты самая красивая девочка на свете! — засмеялась мама.

Во сне Майя видела, как они с Кимом плывут под водой в зеленоватом полумраке, подплывают к подводному замку и усаживаются на кресла, перевитые водорослями и кувшинками. Ким надевает на голову Майе сияющую корону:

— Ты Морская Царевна!

Утром Майя проснулась с улыбкой на лице. Прислушалась, что слышно вокруг. В саду распевала малиновка, чирикали воробьи, раза два каркнула ворона.

С кухни донесся голос мамы, напевавшей: «Лето, ах, лето...»

Майя вскочила, побежала к ней.

— Ко мне никто не приходил?

— Если ты спрашиваешь про Кима, он уехал с отцом на машине.

— И что, еще не вернулись? Куда же они уехали?

— Ну откуда же мне знать, у них свои дела...

Когда часа через два Майя вышла на берег, она остановилась, пораженная. У воды Владимир Петрович усаживал в лодку двух незнакомых девочек в нарядных платьицах. Одна из них лет восьми, вторая — шести. Ким был тут же, подавал старшей девочке руку.

— Здравствуйте! — поздоровалась Майя.

— Здравствуй, — Ким мельком взглянул на нее.

— А, соседка! — добродушно откликнулся Владимир Петрович. — Познакомься, это наши гости, Анечка и Катенька, двоюродные сестры Кима, вот, едем кататься.

Он взмахнул веслами, девочки вскрикнули, Ким засмеялся, и лодка плавно стала удаляться от берега. Майя стояла и смотрела вслед.

Вернулись они с букетами луговых цветов, с пучками зверобоя, с кувшинками, громко смеялись, а потом обедали на недостроенной террасе. Майе было хорошо слышно соседей, она сидела в углу сада, в шалаше. Соседи с гостями уехали в дальний сад. Сначала они громко спорили, на чем лучше добираться — на велосипедах или на машине, и Ким сказал, что лучше на велосипедах. Один есть, а второй можно попросить у соседей. И он появился на их участке, спросил у мамы, свободен ли Майин велосипед?

— Он в сарае, возьми. Майя ушла куда-то.

Но Майя никуда не ушла, она лежала на сухой траве в шалаше и плакала.

Ким пошел в сарай, вынес Майин велосипед, усадил на него Анечку, вторую девочку посадил впереди себя, и они укатили.

Вечером соседи устроили купание — с визгом и смехом. Потом у них был праздник, слышалась музыка, они танцевали и веселились. Майя вылезла из шалаша, прошла через весь участок и очутилась на берегу. Вода была теплой. Майя вошла в тихую реку и поплыла. Может, она сумеет доплыть до острова? Майя опустила голову, посмотрела на его очертания. Казалось, до него еще далеко.

Из освещенного дома в темноту сада вышла мама и направилась к берегу.

— Майя! — крикнула она.

— Я здесь!

— Почему ты заплывла так далеко? Поворачивай назад!

Майя не отвечала, она была не в силах крикнуть, ей казалось, что вот-вот перестанет двигаться, уйдет под воду.

Мама бросилась в реку. В несколько мгновений доплыла до Майи, подхватила ее одной рукой и вернулась с ней на берег. Понесла ее к дому, приговаривая: «Ну, учудила! Ну, спасибо!» Дома мама завернула Майю в сухую простыню, уложила на диван, принесла горячего чая со смородиновым вареньем.

— Что случилось с моим солнышком?

— Никакое я не солнышко! — всхлинула Майя.

Мама поцеловала ее и сказала:

— Ну, утро вечера мудренее! А сейчас спать!

Но утром легче не стало. После завтрака Майя вышла в сад и увидела, что на соседнем участке Ким прощается с гостями. Анечка и Катенька обнимались с ним, обещали приехать еще раз. Потом подхватили корзинки с гостинцами, уселись в машину к Владимиру Петровичу.

Ким остался на участке один. Майя из-за куста малины наблюдала за ним. Что он будет делать? Ким походил по саду, спустился на берег. Майя наблюдала из-за куста. Ким смотрел на реку. По ней реке плыла лодка с Никитой, сыном сторожа.

— Никита, поехали на остров, пещеру там устроим! — крикнул Ким.

Никита повернул лодку к берегу. Ким забрался в лодку, и мальчики уплыли в сторону острова. Ким даже не подумал зайти к ним.

Майя вспомнила про колдовскую книгу. В ней, наверное, много всяких рецептов. Например, как превратить человека в чудовище, на которое и смотреть-то никто не захочет.

Майя обошла дом, вытащила из-под стены корзину. Достала книгу, ушла с ней в шалаш. Там уселась поудобнее и раскрыла книгу. С замирающим сердцем стала вглядываться в буквы: «Если вы хотите превратить человека в чудовище, вы должны найти сгоревшее от молнии дерево, стать под ним, сечь прядь своих волос, развеять пепел и произнести заклинание. Еще вы должны дать клятву перестать любить тех, кого любили раньше, и то, что любили раньше. Если захотите расколдовать чудовище обратно в человека, сами станете жабой».

Майя захлопнула книгу, зажмурилась. Нет, это уж слишком. Как это — перестать любить тех, кого любила раньше? И папу с мамой, что ли? Этого Майя представить себе не могла. Потом стала думать, в какого зверя можно превратить Кима. Может, в медведя? Но тогда его отвезут в зоопарк, и Майя не сможет видеть его. Нет, если и превращать в кого-нибудь, лучше в щенка, тогда он всегда будет с ней рядом.

Майя вспомнила обгоревшее дерево. Было такое дерево, перед тем ближним лесом, куда дачники ходят за маслятами. Говорят, в это дерево когда-то ударила молния.

— Майя, обедать! — выйдя на крыльцо, позвала мама.

За обедом мама сказала, что заходила Настасья Марковна и сообщила, что скоро ее муж и Майин папа вернутся из командировки. И тогда, они, конечно, первым делом приедут на дачу. Майя не проронила ни слова.

После обеда мама прилегла отдохнуть. Майя подождала, пока мама уснет, на цыпочках прошла в большую комнату. Увидела на полке ножницы, взяла их в руки, подошла к зеркалу, висевшему в простенке, и, мрачно глядя перед собой, отхватила ножницами прядь волос.

Завернула их в платок, схватила коробку спичек, выскользнула из дома и направилась к лесу, на опушке которого стояло обугленное дерево. По дороге на поляне сорвала ромашку, на которой сидела божья коровка, Майя пропела ей: «Божья коровка, улети на небо...» Теперь нельзя будет, что ли, любить божью коровку? И ромашку нельзя любить? Над поляной пролетела сорока. «Сорока-белобока кашку варила...» И сороку нельзя любить?

Но тут Майя вспомнила лицо Кима, его улыбку, обращенную не к ней. Майя бросила сорванный цветок, побежала к черному дереву. Вокруг никого не было. Майя подошла ближе. До чего же дерево страшное!

Майя развернула платок, положила золотистую прядку волос к подножию дерева, подожгла. Волосы стали закручиваться, чернеть, через мгновение обратились в кучку пепла. Всё! Сгорели!

Майя взяла пепел пальцами и, встав на носочки, развеяла его по ветру.

Глубоко вздохнула, посмотрела вокруг себя, на небо, по которому плыли облака, зажмурилась, взглянула на солнце и громко, отчетливо произнесла:

— Хочу, чтобы Ким стал щенком! Клянусь больше не любить тех, кого любила раньше. Не любить то, что любила раньше.

Послышался грохот. Майя испуганно подняла голову: уж не гром ли гремит в синем небе? Но потом увидела самосвал на краю поля. Он сваливал на землю щебенку: видно, на этом месте собираются что-то строить.

Майя вздохнула и направилась назад. Подходя к дому, замедлила шаг. Что ждет ее там? Вот и калитка. Возле нее стоял щенок с блестящей серой шерстью, с короткими ушами.

— Ну вот, теперь ты будешь жить в нашем дворе, — сказала Майя. — За мной!

Из дома вышла мама. Спросила:

— Что это за щенок?

— Он будет жить у нас.

— Может, его надо покормить?

Мама вынесла миску с кашей, поставила перед щенком. Щенок есть не стал. Забрался под крыльцо дома и затих там.

— Может, он чей-нибудь и хозяин ищет его? — сказала мама.

— Никто его не ищет, — мрачно ответила Майя.

К соседнему участку подъехала машина. Было слышно, как Владимир Петрович открывает дверь дома, идет к берегу, звенит цепью лодки.

Потом он постучался к ним и спросил, нет ли у них Кима.

— Нет, — ответила мама.

— Я ему из города удочку привез и новый крючок. Где же он? Может, на острове сидит, выкопал какую-нибудь пещеру и воображает, что он Робинзон Крузо?

Владимир Петрович ушел в свой дом. Майя сидела на стуле ни жива ни мертва.

— Чего ты испугалась? — удивилась мама.

Майя молчала.

Через полчаса мама обожглась кипятком. Хотела вымыть посуду и, когда выливала из чайника воду в таз, брызнула ею на руку.

— Ой! — вскрикнула она. — Дочка, принеси из холодильника облепиховое масло.

Майя принесла баночку с маслом, стала мазать мамину руку.

— Ну что, жалко тебе меня? — спросила мама.

Майя замерла. Раньше она, конечно, обняла бы маму, сказала бы, что очень жалко. Но теперь она не могла этого сказать. Ведь она поклялась не любить тех, кого любила раньше. Майя потупилась, отошла в сторону.

Потом мама стала рассуждать, что приготовить на завтра.

— Может, свекольник?

Майя вспомнила, что теперь ей нельзя любить то, что она любила раньше.

— Нет, я не люблю свекольник, — сказала она.

Мама озадаченно смотрела на нее.

— С каких это пор ты не любишь свекольник? Ну ладно, сварим пельмени, уж их-то ты всегда любила!

Почти плача, Майя произнесла:

— Нет, я не люблю пельмени.

Тут мама рассердилась.

— Да что это с тобой? «Того не люблю, этого не люблю».

Что же ты любишь?

Майя стала вспоминать, чего она не любила раньше.

— Манную кашу люблю! — выкрикнула она.

Тут мама чуть снова не обожглась.

— С каких это пор ты любишь манную кашу? — грозно спросила она. — Ну что ж, с завтрашнего утра буду варить тебе только манную кашу! Посмотрим, как ты запоешь. А теперь спать. И больше никаких разговоров!

С сердитым лицом мама ушла спать в свою комнату. А Майя легла в маленькой комнатке, но никак не могла уснуть. Все складывалось совсем не так, как она себе представляла. Во-первых, она не подумала о Владимире Петровиче, о том, что он будет искать сына. Потом — все время надо говорить «не люблю» про то, что любила раньше. В-третьих, теперь она, получается, больше не увидит Кима, не услышит, как он смеется, разговаривает. Он навсегда останется щенком!

Майя поднялась с кровати, вышла на крыльцо, заглянула под него. Там кто-то вздыхал, в темноте светились два глаза. Майе показалось, что взгляд этих глаз укоризненный.

— Ты сам виноват! — прошептала она в отчаянии и ушла в дом.

Наутро к ним заглянул Владимир Петрович. Рассказал, что был вечером на острове, но Кима и там не нашел. Может, сын уехал в город на машине с какими-нибудь знакомыми? Но почему тогда записку не оставил?

— Он не мог утонуть? — испуганно спросила мама.

— Ну, утонуть Ким не мог, — усмехнулся Владимир Петрович. — Он плавает как рыба. Просто такой вот безответственный, уехал, не предупредив.

На завтрак мама сварила манную кашу, которую Майя терпеть не могла. Но теперь, давась, ела ее, чтобы не рассердить маму еще больше.

После завтрака мама велела Майе навести порядок в ее комнатке, расставить аккуратно книжки на полке.

Майя стала разглядывать книжки. «Сказки братьев Grimm», «Маугли», «Маленький Мук», «Золотой ключик», «Городок в табакерке». Она знала их почти наизусть. Что же теперь? Она и сказки должна разлюбить? Майя мрачнела все больше.

Зашла Настасья Марковна, позвала маму и Майю пойти за грибами: она слышала, что кто-то набрал сегодня полную корзину маслят в ближнем лесу. Майя идти с ними отказалась, сказала, что болит голова. Мама посмотрела на нее и погрозила пальцем.

— Смотри у меня! Что-то ты скрываешь, моя дорогая! Вернись, разберемся.

Когда они ушли, Майя села на бревнышко и стала смотреть на реку. На душе было тяжело. По дорожке проскакала жаба. Майя посмотрела ей вслед. «Вот и я буду такой, — подумала она. — Бородавчатой жабой, до которой дотронуться противно, стану, если возьму назад свое заклинание».

На плечо сел комар, Майя и не подумала прихлопнуть его. Пусть пьет ее кровь, пусть всю выпьет, ей не жалко.

И тут послышался шум подъезжающей машины. Хлопнула дверца, кто-то шагал по дорожке к дому. Это папа, загоревший до черноты! Майя бросилась ему навстречу, повисла на шее, а папа закружил Майю, приговаривая «Ах, ты моя умничка, моя красотулечка!».

— А мама где?

— За грибами ушла.

Они сели на бревнышке у воды. Майя устроилась на коленях у папы, он заглядывал ей в глаза и все приговаривал: «Как я соскучился по этим глазкам, по этому носику!»

Потом посмотрел на реку и спросил, улыбаясь:

— Купаться будем?

— Нет. — Майя вспомнила о своем несчастье.

— А подарки смотреть будем? Я вам с мамой такие подарки привез! Ты же любишь подарки?

Майя опустила голову и сказала тихо:

— Нет, папа, не люблю.

Папа перестал улыбаться.

— А чай с тортом пить будем? Я торт привез, ореховый. Ты же любишь ореховый торт?

Майя расплакалась.

— Я ничего, ничего теперь не люблю! Не могу любить!

И, всхлипывая, прижалась к папиной груди.

— Ну, рассказывай, что случилось, — папа заглянул в заплаканные Майины глаза.

Пришлось все рассказать. Про то, как на соседний участок приехали Владимир Петрович и его сын Ким, как она стала с Кимом дружить, а потом Ким стал дружить с другими девочками, а она прочла в одной колдовской книге рецепт, как превратить человека в какое-нибудь животное. И Майя заколдовала Кима, он стал щенком. Может, она и хочет расколдовать его обратно, но боится стать жабой: она его станет, если возьмет свои слова обратно.

— Да что мне эта колдовская книга! — вскричал папа. — Я сам могу заколдовать кого хочешь! Давай, сделаем так: ты расколдовываешь Кима, он снова становится мальчиком, а если ты станешь жабой, я тебя расколдую, уж поверь, и ты снова станешь моей маленькой красивой дочкой!

— А получится у тебя? — с сомнением спросила Майя.

— Я тебя когда-нибудь обманывал? — спросил папа.

— Никогда.

— Тогда за дело! — весело сказал папа. — Значит, надо срезать волосы и сжечь их согласно рецепту... Ладно, укорочу свою бороду! Неси ножницы!

Майя побежала в дом, вынесла ножницы и спички, папа торжественно срезал часть своей бороды, поджег срезанные волосы и развеял пепел на все четыре стороны. Потом они подошли к крыльцу, под которым скрывался щенок, и Майя произнесла:

— Ким, я расколдовываю тебя! Стань обратно человеком!

— Закрой глаза! — шепнул папа. — Держи меня крепко за руку.

Майя закрыла глаза, уцепилась за папину руку.

— Жаба, жаба, отзовись, моей дочкой обернись, — прошептал папа. — Открой глаза!

Майя открыла глаза

— Какая у тебя загорелая ручка! — сказал папа. — Совсем не похожа на лапку какой-нибудь противной жабы!

Они заглянули под крыльцо. Щенка там не было.

С реки раздался скрип уключин. На берег из лодки вылезли Владимир Петрович и Ким. В руках они несли рыболовные снасти и связку рыбы.

Папа спросил.

— С рыбалки?

Владимир Петрович ответил, усмехаясь:

— Да вот, нашел сына на дальнем острове. Оказывается, эксперимент проводил, жизнь в экстремальных условиях, со слепнями и комарами... Хорошо, хоть спальный мешок догадался взять. А как ваша командировка?

— Да как сказать, — засмеялся папа. — Как известно, за морем житье не худо, но через недельку-другую тянет домой.

Переговариваясь, оба направились к дому.

К Майе подошел Ким.

— Привет. Отгадай загадку: «Еду, еду, следа нету, режу, режу, крови нету». Что это?

— Лодка, — ответила Майя.

Ким спросил:

— Купаться будем?

— Будем!

Оба побежали к реке, бросились в воду и поплыли — кто быстрее. Над ними пролетела знакомая белая цапля, и оба посмотрели ей вслед.

Владимир Петрович с папой тоже пришли купаться. Папа сразу поплыл к острову.

И тут в калитку вошла мама с корзиной грибов в руках, закричала:

— Ах, какие вы хитренькие! Решили купаться без меня?

Она быстро скинула цветастый сарафан и бросилась в воду. Поплыла к острову, за папой.

Майя смотрела им вслед. Она видела, как они плывут, быстро, дружно, обгоняя друг друга, и думала о том, какое же это счастье! Она теперь снова может любить эту реку, камыши вдоль берега, темнеющие вдаль деревья, огромное темное небо, на котором проступают маленькие звездочки, и тонкий серебряный серп над лесом... И всех-всех, кого любила раньше. Майя чувствовала себя совершенно счастливой. А колдовство? Ну что такое колдовство? Если тебе хорошо, может, никакое колдовство и не нужно?

На следующее утро к ним явилась Изольда Павловна, в нарядной кофте, в новой юбке. Она привела с собой приехавшую к ней тетушку из Выборга Ксению Никифоровну и ее внучку Машеньку. Изольда Павловна рассказала, что Машенька любит купаться в ночной реке и здорово обыгрывает ее в шашки. Гости пробудут у нее до конца лета. Еще можно долго-долго ходить в лес за грибами, купаться в реке, собирать листья для гербария.

— В общем, с летом нам повезло, — сказала Изольда Павловна, улыбаясь. — Ты согласна со мной, Майя?

— Да, — ответила Майя.

Иллюстрации В. Дмитриюка и С. Шведова

И обязательно — каша

Как бы мало времени ни было у вас утром, обязательно приготовьте на завтрак кашу. В кашу можно добавить сухофрукты — это источник многих полезных для организма веществ. От жареного, острого и жирного лучше воздержаться. Тушеные овощные, рыбные и мясные блюда — подходящее решение...

Каша с фруктами и мёдом

200 г любой крупы или смеси круп, 1 стакан воды, 0,5 л молока, мед, яблоки, сливы или сухофрукты (изюм, курага, чернослив), 1 столовая ложка масла.

Промытую крупу варить на слабом огне, пока не выпарится вода. Добавить горячее молоко. В конце варки вложить в кашу измельченные яблоки, сливы без кожуры и косточек (или замоченные сухофрукты). Немного прогреть. Подавать со сливочным маслом и мёдом.

Тушёная рыба с овощами

Рыбное филе, репчатый лук, морковь, корень петрушки и сельдерея, свежий зеленый горошек, по 2 столовые ложки сметаны и сливочного масла, рыбный бульон, соль, перец, лавровый лист.

Рыбу натереть смесью соли и перца, оставить в холодном месте на 30 минут. Измельченные овощи и корни обжарить, добавить зеленый горошек и рыбный бульон, тушить до полуготовности. Добавить рыбу и лавровый лист, тушить до готовности. Добавить сметану и вскипятить. Посыпать зеленью и подавать с картофелем.

Закуска с луком и чесноком

0,5 кг говядины без костей, 5 репчатых луковиц, 4 яйца, 6 зубчиков чеснока, майонез для заправки, соль и перец по вкусу.

Мясо промыть и отварить до готовности. Охлаждать, мелко нарезать. Лук нарезать полукольцами и поджарить до золотистого цвета. Яйца сварить вкрутую и нарезать. Чеснок раздавить или мелко измельчить другим способом. Всё перемешать, посолить, поперчить, заправить майонезом.

Рулет с яйцом и рисом

1 стакан молока, 2 столовые ложки муки, 2 столовые ложки сливочного масла, 6 яиц, 2 столовые ложки риса, соль по вкусу.

Растереть 4 желтка с мукой и молоком. Добавить 4 взбитых белка. Выложить на противень, смазанный маслом, и выпекать до образования легкой золотистой корочки. Заранее отварить рис и два яйца вкрутую. Яйца порубить и смешать с рисом. Выложить на испеченный пласт, свернуть в рулет. Выпекать до готовности.

Перец по-черноморски

На 4 порции: 300 г болгарского перца, 40 г растительного масла, 40 г столового уксуса, 100 г воды, 5 зубчиков чеснока, соль и специи по вкусу.

Сладкий перец вымыть, обтереть, смазать маслом, испечь в жарочном шкафу, очистить от кожицы и уложить на блюдо. Приготовить заправку: чеснок растереть с солью и развести уксусом, кипяченой водой, маслом; добавив специи, смесь взболтать и полить ею испеченные стручки перца. Перец хорош и как самостоятельное блюдо, и как гарнир к мясу, рыбе, макаронам.

Помидоры, фаршированные грудками индейки

10 крупных зрелых помидоров, 250 г вареной грудки индейки, порезанной маленькими кубиками, 1 большая луковица, нарезанная кубиками, 300 г мелко нашинкованного шпината, 500 мл сливок, 500 г тертого сыра типа «Моцарелла», сушеный базилик, соль и черный перец по вкусу.

У помидоров срезать верхушки и удалить мякоть. Потушить лук в небольшом количестве оливкового масла, смешать со шпинатом, приправить солью и черным перцем. Начинить помидоры вареными грудками индейки, смешанными со сливками, сыром и базиликом. Поместить их в огнеупорную форму и поставить в духовку, разогретую до средней температуры, на 15–20 минут. Подавать горячими или холодными.

Итальянский наприкаш

1 кг мякоти говядины, 800 г сладкого перца, по 500 г репчатого лука и помидоров, по 100 г жира, растительного масла и сметаны, 5 г сахара, 20 г красного вина, сок лимонный, зелень петрушки, красный молотый перец, соль по вкусу.

Сладкий перец очистить от семян, нарезать соломкой и пассеровать на масле с нарезанным кубиками луком. Добавить красный молотый перец и помидоры. Нарезанное кубиками мясо обжарить на жире, добавить пассерованные овощи, лимонный сок, соль, немного воды и тушить 10 минут. Добавить сметану, вино, сахар, снять с огня и посыпать рубленой зеленью.

Запеканка из картофеля с тыквой

1 кг картофеля, 500 г тыквы, 1 луковица, 4 столовые ложки растительного масла, 1 стакан сметаны, соль по вкусу.

Очищенную и вымытую картошку нарезать небольшими кусочками, посолить, перемешать и оставить на 5 минут, чтобы впиталась соль. Обсушить кулинарной салфеткой, выложить в сковороду с разогретым растительным маслом и зарумянить. Тыкву ополоснуть, очистить от кожицы, семян и волокнистой ткани и нарезать маленькими кубиками. Лук очистить, вымыть и измельчить. В порционные глиняные горшочки положить картошку, затем тыкву и лук, полить теплой сметаной и хорошо перемешать. Горшочки плотно закрыть крышками, поставить в нагретую духовку и запекать на слабом огне в течение 40–50 минут.

Помидоры по-французски

400 г помидоров, по 1 банке консервов тунца в масле и хамсы, 2 яйца, 100 г простокваши, 10 г лимонного сока, зелень петрушки, черный молотый перец, соль по вкусу.

У помидоров вырезать сердцевину и часть мякоти. Тунец и хамсу размять вилкой, соединить с мелко нарезанными вареными яйцами и зеленью, соком лимона, посолить, поперчить, влить простоквашу и хорошо перемешать. Полученной массой наполнить помидоры. Охлаждать, оформить зеленью.

Игры тихие и не очень

Поможем Золушке

Запаситесь разными семенами и семечками — не очень мелкими (годятся, к примеру, семечки тыквы). Семена перед игрой смешивают и делят на одинаковые кучки (по количеству игроков). Играющие должны рассортировать семена. Побеждает первый, справившийся с заданием. (Вариант: завязать играющим глаза.)

Что в коробке?

В коробку (если сундучка не найдется) кладут разные мелкие вещи. Играющий, закрыв глаза, запускает в коробку руку, нащупывает какую-нибудь вещь, называет ее и вытаскивает. Проверим!

Рисунок вслепую

Играют несколько человек. Первый на листе бумаги, прикрепленном к доске или положенном на стол, рисует, скажем, домик. Следующий запоминает рисунок, закрывает глаза, поворачивается вокруг себя и, не открывая глаз, дорисовывает на домике окошко или дверь. Третий — трубу или птицу на крыше. Что за рисунок получится в конце концов?

Фото
В. Воронова

Самый рассеянный

Один ребенок остается в комнате, а остальные ненадолго выходят. Оставшийся прячет какую-нибудь вещь — так, чтобы она была видна, но в глаза не бросалась. Когда остальные возвращаются, загадчик сообщает им, что спрятал. Искать ее можно только глазами! Тот, кто нашел, шепчет на ухо загадчику, где эта вещь. Тот, кто увидел ее последним, — самый рассеянный.

Где мяч?

Играющие встают в круг, вплотную друг к другу, лицом к центру круга. Все держат руки за спиной. Одному дают небольшой мяч, и дети начинают за спиной передавать его друг другу. Водящему, который стоит в центре круга, нужно угадать, у кого сейчас мяч. Обращаясь то к одному, то к другому, он требует протянуть обе руки вперед. Тот, у кого оказался мяч (или кто уронил мяч), становится водящим.

Интервью

Это игра не для малышей. Ведущий объявляет, что все участники игры — журналисты, которые устраиваются на работу в популярный журнал. Они получают по листу бумаги, карандашу; за короткое время (пять — десять минут) они должны взять как можно больше интервью у тех, кто участвует в игре. Что именно они должны узнать? Имя, увлечение, кем хочет стать опрашиваемый. Побеждает тот, кто соберет больше интервью. Конечно, стоит учитывать и качество работ. Лучшие работы зачитываются.

Работники тролля

Играющих — не меньше трех. Выбирается один на роль тролля, он садится на стул, это его дом. В стороне располагаются кандидаты в работники, они вполголоса договариваются о том, на какую работу к троллю они будут наниматься. Работу они будут показывать только движениями, причем делать это они должны одновременно. Скажем, работники договорились, что будут пилить для тролля дрова. Подойдя к нему и выслушав его вопрос о том, что они умеют делать, работники начинают молча показывать, как пилят дрова. Если тролль догадывается, что именно ему показывают, он говорит: «Пильщики мне не нужны!» И с этими словами пытается кого-нибудь из них схватить. Схватенный становится троллем и занимает его дом, а бывший тролль сам должен искать работу. Ну а если тролль не отгадает с трех попыток, то работники говорят ему: «Не догадался — без работников остался!», и тот получает новое задание.

Острый глаз

Играющим предлагают рассмотреть какую-нибудь банку, миску или кастрюлю. (В руки не брать, только рассмотреть.) Из листа бумаги надо вырезать крышку для банки (миски, кастрюли), такую, чтобы эта крышка к банке подошла. Побеждает тот, у кого совпадение полное.

Цепочки

Всё, что нужно для игры, — коробка канцелярских скрепок. Скрепки высыпают на стол, играющие (их может быть двое-трое) по сигналу ведущего начинают собирать из них цепочки. Побеждает тот, у кого цепочка окажется самой длинной. До игры надо определить время состязания.

Бабушка пошла на базар

Играющие стоят по кругу. Ведущий: «Бабушка пошла на базар и купила старую кофемолку». Показывает, как она будет молоть кофе (крутит правой рукой воображаемую ручку кофемолки). Стоящий рядом повторяет его слова и тоже начинает крутить ручку. И так все по кругу. Когда очередь снова доходит до ведущего, он показывает следующее движение: «Бабушка пошла на базар и купила старый уют» (гладит левой рукой, не переставая молоть). Следующие круги: бабушка купила старую швейную машинку (нажимать ногой на педаль), кресло-качалку (покачиваться) и, наконец, часы с кукушкой («Ку-ку, ку-ку, ку-ку»). Смысл и трудность игры в том, чтобы выполнять все действия одновременно.

Это мой нос!

Играющие садятся в круг. Ведущий начинает игру, говоря своему соседу слева: «Это мой нос», но касается своего подбородка. Сосед должен ему ответить: «Это мой подбородок», показывая на свой нос. Ведущий, получив правильный ответ, поворачивается к соседу справа и говорит ему: «Это моя левая ступня», показывая ему правую ладонь. Его сосед должен ответить: «Это моя правая ладонь», указывая на свою левую ступню. И так далее. Следует всегда показывать часть тела, отличную от той, о которой говорят.

Держи колпак!

В начале игры у одного из играющих на голове колпак. Руками удерживать его нельзя. За обладателем колпака начинается погоня, другие играющие пытаются сорвать с него колпак и надеть на себя. Каждый старается удерживать колпак на голове подольше. Побеждает тот, кто окажется более ловким и кому это удастся. Или тот, кто овладеет колпаком большее число раз.

панорама

С тех пор, как в Великобритании в 2007 году был введен запрет на курение в общественных местах,

количество обращений в больницы с сердечными приступами резко сократилось.

Группа ученых проанализировала случаи госпитализации британцев с 2002 по 2009 год. Авторы исследования изучили целый ряд факторов, способных оказать влияние на сердечно-сосудистую систему: от погодных условий до статистики заболеваемости гриппом.

Пассивные курильщики теоретически рискуют своим здоровьем так же, как и те, кто курит эпизодически. Поэтому запрет на курение в общественных местах мог принести определенный результат даже за относительно небольшой срок.

Исследователи не готовы с уверенностью сказать, что именно стало причиной укрепления здоровья британцев, — то, что все больше людей бросают курить или то, что некурящие люди стали меньше подвержены воздействию табачного дыма.

Организации, защищающие права курильщиков, отмечают, что к результатам исследования стоит относиться с долей осторожности: число госпитализаций пациентов с сердечными приступами неуклонно сокращалось на протяжении нескольких лет и до ввода запрета.

Тем не менее, как показывают опросы, большинство британцев поддерживают запрет на курение в общественных местах. Правительство страны призывает принять дальнейшие меры по защите от дыма детей, даже когда они находятся у себя дома.

Что делает утечку нефти в Мексиканском заливе действительно серьезной угрозой? Как гласит закон

Мерфи, «если есть вероятность какой-то неприятности, то она случится». Крупная неприятность, состоящая из цепи более мелких совпадений, произошла в Мексиканском заливе.

Если кратко сформулировать основные заявления экспертов, то они будут выглядеть следующим образом: поток нефти из скважины не прекращается; нефть легко смешивается с водой, в результате чего образуется тягучая смесь, которая плохо горит, а счищается еще хуже; нефть разливается в уязвимых местах нереста, которые критично важны для продолжения цикла жизни многих морских обитателей; береговая линия заболочена, что значительно затрудняет ее очистку от нефти.

Ветер и волны несут нефть прямо в самые чувствительные береговые зоны — в болотистую местность Луизианы и соседних с ней штатов. Есть три вида пляжей: песчаные, каменистые и болотистые. Песчаные, такие как во Флориде, легче всего очистить. Самую большую сложность представляют болотистые пляжи, и именно туда направляется нефть. Болотистая местность настолько дели-

катна, что просто попытавшись ее очистить, мы уже нанесем вред. Во-первых, после попадания нефти необходимо удалить всю растительность. Но нефть также проникает в почву и

ее становится чрезвычайно сложно очистить. Бактерия, поедающая нефть, нуждается в кислороде, которого недостаточно в болотах.

Тюлени могут выслеживать рыбу усами на расстоянии до 100 метров, полагают ученые. Исследователи провели эксперимент, в ходе которого подопытному тюленю закрыли глаза специальной маской и надели звукоизолирующие наушники. При этом он мог безошибочно определить траекторию движения своей добычи в воде. Животные с удовольствием носят маску и воспринимают весь процесс как игру в надежде получить вознаграждение.

Эксперимент проводился в зоопарке под открытым небом в немецком городе Кельне. В качестве добычи ученые использовали специальный резиновый плавник, который оставал под водой след, похожий на движение настоящей рыбы. Тюлень мог безошибочно следовать за плавником на протяжении 35 секунд. Рыба может проделывать путь в десятки, а то и сотни метров. В этом случае усы

панорама

тюленя действуют как эхолокатор у дельфинов и китов. Ученые полагают, что тюлени могут распознать структуру следа и определить его источник, могут распознавать даже виды рыб.

страшные катастрофы, чем при глобальном потеплении.

Парниковый эффект существует. Но он не является следствием того, что мы продолжаем выбрасывать в

На очереди эксперименты с живой рыбой — надо понять, насколько точно тюлени могут следовать за их сложной траекторией.

Часы показывают «минус 42 месяца». Это обратный отсчет российского астрофизика Хабибулло Абдусаматова. Согласно предположению ученого, в 2014 году начнется новый ледниковый период. Отпадет проблема глобального потепления, но человечеству нечему радоваться: когда планета остывает, происходят более

атмосферу углекислый газ. Все дело в Солнце, или, вернее, в мощности его излучения, которое за последнее столетие невероятно выросло, но теперь резко снижается. Мы оказались на пороге повторения малого ледникового периода, который наблюдался в северном полушарии в XIV–XIX веках.

Сокращение количества солнечных пятен, полагает Абдусаматов, свидетельствует о том, что активность нашей звезды — в минимальной фазе, и мы станем свидетелями глобального падения земных температур. Остается еще 42 месяца, чтобы понять, прав ли ученый.

Ежевечерняя передача «Ларри Кинг в прямом эфире» на кабельном канале CNN в июле отметила свое

25-летие. Эту юбилейную дату 76-летний Кинг выбрал для ухода из эфира. «Я вешаю подтяжки на крючок», — объявил интервьюер со своей обычной усмешкой.

Пришла пора подводить итоги. А они у Ларри Кинга — грандиозны без преувеличения. Он начал карьеру как спортивный комментатор местного радио в Майами. С 1978 года работает на телевидении. А с 1985 года ведет на CNN программу интервью «Larry King Live», принесшую ему мировую известность.

Собеседниками человека в подтяжках (их у него неисчислимое множество) за это время были свыше 40 тысяч человек. В их числе — все президенты США этого периода, знаменитости мира политики, спорта, искусств, а также люди, получившие (по знаменитой формуле Энди Уорхола) «свои 15 минут славы». Пусть даже скандальной.

Программа закрывается, но, как сообщил директор службы новостей CNN, Ларри Кинг не уходит на покой. Он будет готовить спецпроекты, посвященные крупным событиям международной и американской жизни.

Можно не сомневаться, что передачи Кинга будут вспомнить еще долго. Критики упрекали его в легковесности — он никогда не «дожимал» интервьюируемых. На это ведущий отвечал, что именно поэтому его гости так охотно принимали приглашение на передачу. «Я всегда исхожу из того, что зрители хотят послушать моего гостя, а не меня. Если вы умеете верно ставить вопросы, люди раскрываются вам навстречу», — говорил о своем методе работы Ларри Кинг.

Василий Поленов

1844, 20 мая. В Петербурге, в старой дворянской семье родился сын Василий. Его прадед был знаменитым архитектором Николаем Львовым, дед — академик русского языка и словесности, отец — известный археолог и библиограф, мать — детская писательница. Потомственная одаренность рано проявилась у мальчика. Он много и увлеченно рисовал, когда семья жила на даче в Царском Селе, а позднее в имении Имоченцы, в Карелии, на берегу речки Оягъ. В петербургском доме Поленовых одно время частым гостем был известный художник Павел Чистяков. Он согласился дать мальчику несколько уроков, пытаясь убедить его, что рисование — не развлечение, а серьезный труд.

1863–1868. По окончании гимназии оказывается перед мучительным выбором: кроме рисования он увлекался музыкой, историей, математикой. Решается поступить на математический факультет Петербургского университета, потом переходит на юридический. По совету Чистякова записывается вольнослушателем в Академию художеств. Через год сдает экзамены и становится действительным студентом Академии. Занимается в натурном классе. Однако в конкурсе на золотую медаль решает принять участие по классу исторической живописи.

1869. Получает золотую медаль за картину «Воскрешение дочери Иаира». Этот же евангельский сюжет выбрал для конкурсной картины Илья Репин, который в те годы учился в Академии. Он удостоился той же награды. Если Репин стремился передать экстазический момент — ожидание чуда воскрешения, Поленов писал трогательную сцену, заботясь о передаче всех исторических деталей и стараясь не погрешить против академических установок.

1871–1872. Успешно сдает последние экзамены в университете и отправляется пенсионером Академии художеств в заграничное путешествие. В Европе на него произвели впечатление маленькие немецкие города, сохранившие дух и архитектуру Средневековья (когда через несколько десятилетий он строил по собственным чертежам дом в Алексинском уезде Тульской губернии, он воспроизвел старинное аббатство); в Париже он познакомился с произведениями барбизонцев, работавших на пленэре. Вместе с Репиным, также путешествовавшим в качестве пенсионера Академии, отправляется на этюды на север Франции, к морю. Близка барбизонцам его картина «В парке. Местечко Вель в Нормандии». Можно подумать, что этот пейзаж с разрушенными воротами старого парка написан где-то в России. Есть в нем русская элегическая нота.

1874–1875. Пишет исторические картины: «Право господина», «Арест гугенотки Жакобин де Монтебель, графини д'Этремон», выполняя обязательство перед Академией (это был его отчет). Живопись вполне в духе парижских салонов. И действительно, первая из картин выставлена на одном из ежегодных Салонов.

1877. По совету Репина поселяется в Москве. Москва понравилась ему своей патриархальностью, духом старины. Пишет этюды кремлевских соборов. Из окна мастерской (он поселился на Арбате, в Трубноковском переулке) пишет «Московский дворик». Он не придавал серьезного значения этой небольшой картине и был удивлен, что на Шестой выставке передвижников она имела успех, около нее всегда толпились зрители. Потом ее купил Третьяков

1878.

1880–1881.

1881–1882.

1888.

1891–1892.

1894.

1905.

1915.

1918.

1927, 18 июля.

для своей галереи. Поленов и представить себе не мог, что «Дворик» станет хрестоматийным, и его имя будет ассоциироваться именно с этим полотном. Проводит лето у бабушки в усадьбе Ольшанки Тамбовской губернии. Там пишет «Бабушкин сад». Ностальгические ноты роднят это полотно с некоторыми тургеневскими произведениями.

Часто бывает в Абрамцево у Саввы Мамонтова. Ходит на этюды, вместе с другими художниками загорается идеей строительства храма в древнерусском стиле. Первым создает план, выполняет эскиз иконостаса и нескольких фресок церкви Спаса Нерукотворного. Эта работа воскресила возникшее еще в студенческие годы желание написать большую картину из жизни Христа.

Совершает первую поездку на Восток: Александрия, Каир, Палестина; на обратном пути посещает Грецию. Третьяков захотел купить все эскизы, созданные в этой поездке.

Пишет «На Тивериадском (Генисаретском) озере» — пейзаж с фигурой Христа, идущего по берегу. Затем показывает зрителям свое большое полотно «Христос и грешница (Кто без греха?)». Великий князь Владимир Александрович, президент Академии художеств, запретил полотно к показу: Христос был изображен художником как обыкновенный человек в ряду других обыкновенных людей. Но приехавший на выставку Александр III разрешил показ картины. Она не вызвала сенсации. Большая картина не стала великой.

На берегу Оки строит трехэтажный дом для семьи. Здесь разместится коллекция картин, собранная четверью поколениями Поленовых. Она станет доступной для всех желающих. Рядом — столярная и живописная мастерские. В эти годы создает пейзажи: «Зима», «Ранний снег», «Золотая осень».

Пишет «Мечты» (**репродукция**). Картина как бы продолжает полотно «На Тивериадском (Генисаретском) озере». Тот же пейзаж, так же одет Христос. Но Он не идет по берегу, а сидит на выступе скалы. Солнце клонится к закату, туман спускается на горы и озеро. По-видимому, художник вспомнил то место в Евангелии, когда Христос уединяется, чтобы помолиться...

После событий 9 января вместе с Серовым направил протест в адрес Академии и его президента (Великий князь Владимир был ответственен за расстрел людей). С Репиным, отказавшимся подписать протест, прекратил дружеские отношения.

Приобретает землю в Москве и строит дом, где ставились спектакли для народа, готовились декорации для самодеятельных кружков и народных театров. К их услугам была и библиотека и реквизит.

По просьбе Поленова имение на Оке было национализировано, объявлено государственным памятником, художник стал его директором; в Москве позднее был открыт «Дом театрального просвещения имени академика В. Д. Поленова».

Поленов скончался в имении на Оке. Похоронен возле расположенной неподалеку церкви Святой Троицы в Бехове, которую сам спроектировал и выстроил.

Поленов соединил в себе много талантов: про него говорили, что он художник «пленэрным видением» — абсолютным зрением (как бывают люди с абсолютным слухом), он проявил себя как архитектор, сочинял музыку, был великолепным художником-декоратором, педагогом (его ученики — Константин Коровин, Исаак Левитан, Александр Головин). Но прежде всего он был человеком нравственного поиска, жажды служения людям, что так характерно для русской интеллигенции конца XIX — начала XX века.

Л. Осипова

Фото Владимира Воронова